

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт социального образования
Факультет международных отношений и социально-гуманитарных коммуникаций
Кафедра рекламы и связей с общественностью

Афганский вектор внешней политики США в XXI в

ОП ВО «41.03.05 – Международные отношения»

Выпускная квалификационная работа

Выпускная квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой рекламы и связей с
общественностью

Исполнитель:
Савина Анна Александровна,
студент 407 группы
очного отделения

дата

подпись

дата

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Руководитель ОПОП:

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Научный руководитель:
Грибан Ирина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры рекламы и связей с
общественностью

дата

подпись

Екатеринбург 2016 г.

Оглавление

	с.
Введение	3
Глава 1. Афганистан в постбиполярном мире (1991-2001гг)	7
1.1. Основные параметры постбиполярной системы международных отношений.....	7
1.2. Геополитическая характеристика Афганистана.....	20
1.3. Внешняя политика Афганистана в период правления Талибов.....	27
Глава 2. Анализ внешней политики США в Афганистане в XXI в...	41
2.1. Операция «Несокрушимая свобода»: причины, участники, последствия.....	41
2.2. Политика США в Афганистане после операции «Несокрушимая свобода».....	47
2.3. Афганистан во внешней политике США на современном этапе: ситуационный анализ.....	59
Заключение	72
Список использованных источников и литературы.....	75
Приложения.....	81

Введение

Актуальность работы. Афганистан - проблема, имеющая значение для всего мира. Успех или неудача будут иметь последствия для всей системы международных отношений.

Конфликт в Афганистане в течение уже десяти лет не находит своего разрешения, несмотря на активное участие в его урегулировании международного сообщества. Представляется актуальным проанализировать преимущественно международные аспекты его урегулирования.

В конфликте в Афганистане прямо, или косвенно участвуют многие государства, объединившиеся в антитеррористическую коалицию, а также международные структуры противостоящие с местными афганскими радикальными исламистами, сторонниками сетевой системы международного терроризма «Аль-Кайды» и «Талибан».

Противоборство ведется в широком спектре общественных отношений-политическом, военном, социально-экономическом, этно-религиозном, дипломатическом, культурном и т.д., оно затрагивает соседние страны, особенно Пакистан.

Конфликт в Афганистане начала XXI века носит комплексный характер. Он происходит на различных уровнях общественных и межгосударственных отношений-национальном, региональном и глобальном, а также в широком спектре политической, экономической, этнорелигиозной культурной жизни афганского общества. Конфликтная ситуация в Афганистане заслуживает самостоятельного изучения на каждом из перечисленных уровней и сфер общественных отношений.

В дипломной работе акцент делается на выявлении взаимосвязи воздействия внешних глобальных факторов, прежде всего США и других членов НАТО на внутривнутриполитические процессы в Афганистане в период проведения известной антитеррористической операции «Несокрушимая свобода» 2001-2010 гг.

За рассматриваемый период конфликтная ситуация в Афганистане претерпела серьезную эволюцию: от преимущественно военно-силовой операции к политико-дипломатическому процессу международного и внутривластного урегулирования, предусматривающего вывод иностранных войск из страны к 2014 г.

Объект исследования: международные отношения в Центральной Азии.

Предмет исследования: афганский вопрос во внешней политике США в XXI в.

Хронологические рамки исследования ограничены промежутком времени с 1990 по настоящее время. Причинами того, является зарождение в начале 1990-х гг. на юге Афганистана движения «Талибан», дальнейшей эскалацией конфликта на внутривластном уровне и усиливающим его влиянием на развитие международных отношений в Центральноазиатском регионе. Верхняя граница связана с выводом в 2014 г. миротворческих сил ООН из Афганистана и дальнейшей глобализацией проблем, связанных с разрешением афганского вопроса в международных отношениях XXI века.

Территориальные рамки исследования определяются интернационализацией афганского вопроса, так как его разрешение в конце XX-XXI вв. вышло за рамки территории государства Афганистан и распространилось на регион Центрально-Южной Азии, а особенно страну Пакистан. Связано это в первую очередь с тем, что после падения режима талибов в 2002 г. после операции «Несокрушимая свобода» основные силы движения «Талибан» ушли в горные районы Вазиристана, другие перешли к партизанской войне на территории Афганистана и Пакистана.

Целью исследования изучить роль и место «афганского вопроса» в развитии внешней политики США в XXI в. и прогнозирование вариантов дальнейшего развития событий.

Исходя из цели, были поставлены следующие **задачи:**

1. Исследовать основные параметры постбиполярной системы международных отношений
2. Охарактеризовать геополитическое положение Афганистана в XXI в.
3. Исследовать особенности внешней политики в период правления талибов в Афганистане.
4. Изучить причины, участников, последствия операции «Несокрушимая свобода»
5. Изучить политику США в Афганистане после операции «Несокрушимая свобода».
6. Провести ситуационный анализ перспектив развития «афганского вопроса» в XXI веке.

Источниковая база исследования. При рассмотрении своей темы я изучила самые разнообразные источники и мнения различных авторов.

Были изучены документы ООН, в частности резолюции СБ ООН, Генеральной ассамблеи ООН по афганской проблеме, а также других международных и региональных организаций.

Среди востоковедов, специалистов по Афганистану следует отметить труды Н.М. Гуревича, З.К. Набиева, В.И. Сажина, А.И. Тронова и М.Р. Аруновой и других авторов, в том числе публицистов А.Н. Серенко, Ю.В. Крупнова, активно рассматривающих события, связанные с афганским конфликтом.

Методы исследования. При достижении цели и реализации поставленных задач мной был использован ряд методов. Так, проводя геополитическую характеристику Афганистана, я использовала метод системного анализа. При исследовании особенностей режима талибов в Афганистане в конце XX века был применен анализ. Изучить причины, участников, ход и результаты операции «Несокрушимая свобода» помог метод синтеза. В данной работе мною были использованы следующие

эмпирические методы: наблюдение, описание, самооценка, эксперимент, социометрический метод, статистический и математический метод.

Глава 1. Афганистан в постбиполярном мире (1991 – 2001гг)

1.1. Основные параметры постбиполярной системы международных отношений

Международная система, сложившаяся после завершения биполярного противостояния, является во многом уникальной, неизвестной до сих пор конструкцией. Дело здесь не только в мирном характере структурных изменений, нестабильной полярности и новых типах конфликтов, все это сопровождают. Постбиполярный мир является первым в истории примером выхода мировой политики за пределы межгосударственных отношений, перерастания в глобализированном мире, который часто называют постмодернистским, поствестфальским и таким, что не имеет исторических аналогов. Его развитие трудно предсказать, трудно даже объяснить. Привычные и традиционные объяснения различных международных процессов, такие, например, как конфликты великих держав за сферы влияния, больше не действуют, а если и действуют, то требуют многочисленных дополнительных гипотез. Изменились не только крупные государства и соотношение сил между ними - а именно это было основным индикатором изменения международных систем в прошлом; изменились фундаментальные принципы мировой политики [Барановский В.Г. 2012, с. 36-44].

Некоторые объясняют это технологическими изменениями, которые произошли еще в период холодной войны, такими как изобретение ядерного оружия и качественное совершенствование средств связи. Трудно отрицать эти изменения, как и то, что они сопровождались своеобразными формами приспособления государств к новым условиям, такими, например, как развитие международных организаций или первые формы экономической интеграции. Определенного времени эти изменения не становились политическими и не влияли на соотношение сил в глобальном масштабе.

Дорогу для этого были открыты только с окончанием холодной войны, после чего системные изменения стали ощутимыми в полном своем объеме.

Прежде всего, речь идет об установлении так называемого поствестфальского мирового порядка, основными чертами которого является рост степени взаимосвязанности мира, уменьшение роли государства в мировой политике и диверсификация, политических рисков, угроз, а следовательно и качественные изменения в наборе мер по их предупреждению и нейтрализации. В совокупности эти тенденции ставят под сомнение некоторые из ключевых положений, формулировались политическими реалистами относительно закономерностей мировой политики.

Особенностью современного этапа развития международных отношений является системный переход, касается фундаментальных черт и механизмов ее функционирования, которые возникли в эпоху великих европейских революций и в течение нескольких столетий были наследием Вестфальского мира, завершившего Тридцатилетнюю войну и открыл эпоху преобразования Европы в центр мирового политического, экономического и социокультурного развития.

Вестфальская модель международной системы основывалась на преемственности. Поствестфальская система будет основываться на вариативности. Глобальные механизмы управления будут содержать в себе сложный, взаимосвязанный конгломерат наднациональных, национальных и частично субнациональных и транснациональных акторов и взаимодействий. Суверенитет не будет локализован в пределах автономных моноистических правовых систем, однако концентрически распределен, он будет формировать полицентрический властный строй в мировой политике. С усилением роли таких международных властных режимов, традиционное использование военного компонента потенциала актеров больше не гарантирует достижения оптимальных результатов теми, кто преследует сугубо собственные внешнеполитические цели.

Современные международные отношения формируются под влиянием как центристских, так и центробежных тенденций. Глобализация и фрагментация выступают как диалектическое единство противоположностей. Противоречивое единство этих разнонаправленных сил дает основание многим ученым считать, что двадцать первый век будет существенно отличаться от предыдущих трех с половиной столетий, когда основы международных отношений в их общесистемных проявлениях оставались наследием Вестфальского мира. Почти аксиоматической есть мнение, к которому склоняется большинство ученых, о несовместимости старого мироустройства с последующим ростом взаимозависимости в условиях глобализации [Исаев Б. А. 2011, с. 69-85].

По окончании холодной войны, как и в прежние времена, безопасность продолжает рассматриваться как главная проблема международной политики, как предпосылка успешного решения всех других проблем, включая глобальные. Однако контексты проблемы существенно различаются и, прежде всего, ее выходом за пределы концепции национальной безопасности, ранее рассматривалась преимущественно в своем военно-техническом измерении. Преемственность проявляется и в неопределенности международно-правовой субъектности и ролевого статуса многих государств, абсолютизации эффективности односторонних действий, а также новыми бесконечными дебатами об этических принципах внешней политики.

Постбиполярная система международных отношений не только меняет традиционные и привычные слова. Она, прежде всего, определяет новые правила игры для всех государств. Среди таких новых правил важнейшими являются созданные новой системой угрозы национальной безопасности. Традиционный их список включает неблагоприятное соотношение сил, что делает уязвимыми политические позиции; отставание в экономическом развитии, что влечет за собой технологическое отставание и сужение политических возможностей; социальные и демографические проблемы различного рода, которые уменьшают количество и качество основного

силового ресурса государства - ее народа. Можно заметить, что традиционные угрозы национальной безопасности связаны с реалистичным трактовкой понятия силы и, соответственно, опираются на определенные в тех же пределах основные ее атрибуты.

Недооценивать такие угрозы нельзя. Все, что приводит к уменьшению силы государства к ее ослаблению - стратегически опасным. Руководствуясь таким положением, государства в постбиполярной мире заключают альянсы, начинают войны, устанавливают контроль, особенно в стратегически важных регионах. Угрозой в этом смысле может стать как неспособность своевременно распространить свое влияние, так и возможность установления влияния других на собственной территории.

Традиционные военно-политические и относительно новые экономические угрозы далеко не исчерпывают проблем, которые призвана решать внешняя политика государства. Современном глобализированном мире заставляет решать и экзотические задачи. К ним, например, относится обеспечение участия государства в технологическом развитии, доступ общества к новым технологиям и информации, информационная обеспеченность приобретает стратегическое значение, так как значение ее не ограничивается больше знанием о возможных действиях других государств, но и распространяется на многие другие существенных элементов защиты безопасности и национальных интересов. Владение, доступ и умение создавать и обрабатывать информацию все большее значение приобретает в способности государства проводить эффективную внешнюю политику.

Эффективность внешней политики во многом определяется способностью диагностировать потенциально опасные международные конфликты и разрабатывать шаги по их предупреждению или урегулирования. В этом отношении различия постбиполярного мира проявляются в распространении и активизации новых форм международных конфликтов, а значит и новых угроз. На смену глобальным конфликтам между великими державами, которыми характеризовалась недавняя история

мировой политики, в современном мире приходит многообразие менее масштабных конфликтов многочисленных типов и форм. Такое многообразие требует от государства гибкой внешней политики, в арсенале которой есть место как традиционным средствам вроде участия в альянсах, так и новым динамическим методам.

Место традиционных межгосударственных конфликтов постепенно занимают внутренние и локальные международные конфликты, причем среди первых преобладают так называемые конфликты идентичности - национальные, этнические, религиозные. Опасность таких конфликтов обусловлено уязвимостью современных обществ и неразвитостью методов противодействия таким угрозам. В наибольшей степени это касается полиэтнических стран, так называемых слабых государств, в которых уровень недоверия общественных групп друг к другу является высоким. Если биполярная международная система сдерживала такие конфликты путем навязывания глобального конфликта - холодной войны; то система постбиполярная способствует возникновению и распространению многочисленных новых форм конфликтов, несут в себе основные угрозы опасности государства.

К ним относятся, например, транснациональные конфликты - такие как конфликты, по поводу природных ресурсов, экологических проблем и других объектов, переходят пределы государственных границ и выходят из-под суверенитета отдельных государств. Решение таких конфликтов требует новых, порой неразвитых или необычных процедур сотрудничества между государствами, их невозможно решить традиционными методами. Наличие таких угроз меняет систему координат, в которой государство осуществляет свою внешнюю политику, также меняет внешнеполитические формы и методы.

Одним из влиятельных факторов является развитие международного терроризма и попытки государств противодействовать ему. События 11 сентября 2001 стали ярким проявлением изменений, произошедших в

международной системе - изменений, вызванных растущими дисбалансами в международной системе, активизировали так называемые асимметричные угрозы, к которым многие государства оказались не готовы. Биполярная система международных отношений, благодаря собственным регуляторным возможностям и высокой степени гомогенности стимулировала возникновение асимметрии на стратегическом уровне. При этом асимметричные конфликты хотя и возникали периодически, имели периферийное значение. В противоположность этому, в постбиполярной системе создаются структурные предпосылки, как для распространения асимметричных конфликтов, так и для развития конфликтов симметричных [Богатуров А.Д. 2009, с.38].

Системные различия в обеих исторических ситуациях являются существенными и достаточно многочисленными. Так, начало современного этапа не связано с завершением военного конфликта мировых масштабов. Отличаются темпы инновации в военных технологиях, политико-экономической значимости пространства и ресурсов в частности. Наконец, они отличаются тенденциями в динамике демографических процессов - фундаментальной первоначальной всей социальной истории в ее универсальной перспективе.

Структура международной системы в условиях постбиполярности.

Срок постбиполярности характеризует собой определенную неопределенность современной международной структуры. В ней, в отличие от биполярности или мультиполярности, которая отвечает конкретным периодам истории, не заложено однозначной оценки структуры. Более того, даже при наличии такой однозначной оценки было бы довольно проблематично применить аналогию с предыдущими системами, то ли биполярными, то ли мультиполярными. Постбиполярность, таким образом, означает не только констатацию завершения биполярности, но и сомнение в полярности целом, по крайней мере, в ее традиционном понимании.

Теоретическая мысль выдвигает две основные концепции нового мира - концепцию мультиполярности и концепции монополярности, или моносверхгосударственности. Первая из них утверждает, что с распадом СССР исчезла одна из основ биполярности, параллельно с этим вырос относительный политическое влияние целого ряда альтернативных США центров силы. Исчезновение глобального военного противостояния выводит соревнования в экономической сфере на первое место, и именно в этой сфере США не является гегемоном. Будущее мира усматривается сторонниками этой концепции в сотрудничестве и конкуренции основных интеграционных образований, которые сформируют новый так называемый концерт государств с целью защиты общих для них интересов на всей планете. Концепции, прогнозируют формирование полицентрической структуры международной системы, так или иначе указывают на изменения традиционных групп противоречий, так же как и основных средств их урегулирования. Они выходят по увеличению удельного веса так называемых нетрадиционных конфликтов (как то цивилизационного, религиозного, этнического характера), а также уменьшение роли военного фактора в международных отношениях. Эти изменения не способствуют утверждению любого типа гегемонии в мире. Напротив, влияние таких процессов, как, например, глобализация увеличивает возможности системного влияния для широкого круга государств [Бжезинский З. 1998, с. 51].

Альтернативная теория моносверхгосударственности строится на констатации американской тотальной гегемонии. Основная группа ее сторонников относится к реалистической традиции - с ее акцентированием роли военного фактора в межгосударственных отношениях. Распад СССР привел к исчезновению единого полюса, способного бросить вызов США в основном аспекте - военной мощи.

Существенным недостатком обоих подходов, на наш взгляд, является их чрезмерное стремление свести сложность структуры международной

системы к определенному количеству элементов, тем или иным образом осуществляют большее влияние на ее развитие. Существует третий подход, согласно которому постбиполярной система наделяется чертами "полтораполярности" - имея в виду значительный отрыв, что существует между одним полноценным полюсом и любым из его альтернатив во всех сферах. В этом отношении можно сказать, что этот и подобные термины, возможно и позволяют оценивать конкретное соотношение сил между великими державами, но лишены теоретического содержания, поскольку не позволяют понять, существует структурное противодействие гегемонистических стремлений. Другое дело, что подобный срок мог бы подчеркнуть слабая степень организованности такого противодействия.

В постбиполярном мире формируется и эволюционирует сложная иерархическая структура, особенностью которой является сосуществование разных типов полярности. Сложность заключается не в определении структуры как моно- или мультиполярной, а в демонстрации сосуществования таких структур.

Полемику вокруг конфигурации структуры постбиполярной международных отношений нацелен на выявление некоего универсального детерминирующего принципа, который вытекал бы из структурных характеристик и регулировал бы все отношения в системе, подобно тому, как во время холодной войны наличие двух полюсов и логика биполярной игры с нулевой суммой позволяла объяснить каждый международный конфликт. При этом ученые неизбежно сталкиваются с принципиальной невозможностью как эмпирически подтвердить, так и опровергнуть гегемонию США.

На наш взгляд, современная структура не предполагает такого упрощения, которое было бы желательным. В ней не существует единого принципа, который регулировал бы отношения между всеми субъектами. В свою очередь, система состоит из, по крайней мере, двух принципиально различных структур, каждая из которых руководствуется собственными

принципами развития. В предлагаемой модели постбиполярной система в первом приближении выглядит как монополярная система, в которой функцию так называемого коллективного гегемона выполняет группа государств, объединенная либеральной идеологией и принципами свободной торговли. При дальнейшем анализе можно охарактеризовать структуру отношений внутри этого коллективного гегемона как мультиполярном. В то же время отношения среди других государств определяются сложившимися региональными и локальными структурами, часть из которых осталась от предыдущего периода, часть возникла в ответ на новые диверсифицированные угрозы. Таким образом, в постбиполярной международной системе действуют разные законы структурной организации. В общем плане постбиполярной структуру можно представить на двух уровнях [Косова Ю.В. 2012, с. 65]:

- 1) центр международной системы;
- 2) периферия международной системы.

Несмотря на неомарксистской терминологию, имеется в виду то, что отношения центра, к которому можно отнести государства, обладающие большим количеством военных или организационных ресурсов с периферией (соответственно, государства, не обладающие ни одной из указанных групп ресурсов в достаточной мере) является построенными на принципах моно- полярности; в то же время отношения внутри как центра, так и периферии есть мультиполярными по своей структуре.

Кроме такого рода структурных трансформаций, постбиполярной система международных отношений характеризуется и другими особенностями. Среди них можно упомянуть главным образом широко известные процессы глобализации и регионализации; процессы демократизации в отдельных регионах, в частности в Центральной и Восточной Европе, а также процесс "вымывания" государственного суверенитета, в результате чего государства становятся "непохожими" на себя. Все это придает новые черты поствестфальский системе, которая

генерирует новые угрозы и вызовы, в том числе в области безопасности и экономического соперничества.

Важной внеисторической закономерностью глобальной системы международных отношений является феномен полупериферийных развития. Он заключается в том, что полупериферийные регионы проявляют очень динамичный инновационное развитие, что приводит к их потенциально высокую статусную мобильность, причина которой заключается в том, что эти зоны быстрее и эффективнее внедряют технологические и социальные инновации. Одна из причин этого может заключаться в том, что расположении в такой зоне позволяет использовать технологическими достижениями, культурой, социальным опытом как центральной зоны, так и собственно периферии. К тому же по сравнению с обществами центральной зоны международной системы, они делают относительно малый вклад в создание и поддержку существующих институтов глобального социального, политического и экономического устройства. Таким образом, они могут пользоваться большей свободой, экспериментировать с новыми моделями общественного устройства и инвестициями в новые технологии. К тому же они, как правило, настроены принимать больший уровень риска, чем это характерно для обществ центральной зоны международной системы. Инновационный процесс в центральной зоне происходит эволюционным сценарием, тогда как периферии более характерны экстремальные и революционные социально-политические, идеологические и экономические изменения. И в этом аспекте постбиполярной система международных отношений проявит свою новизну. В результате значительного географического расширения полупериферийных зоны возрастет численность, а с ней и относительная роль этой категории государственных международных акторов по крайней мере в течение начального периода существования постбиполярной системы. В свою очередь количественные изменения приведут к почти цепной реакции активизации процессов развития полупериферийных государств, наиболее успешные из которых как

раз и могут составить реальную конкуренцию Соединенным Штатам в борьбе за глобальное лидерство и гегемонию в международных отношениях. Институционализация в форме международных режимов стратегий, обеспечили государству, которое осуществляло гегемонию в пределах предыдущей структуры международных отношений, успех в продвижении вверх международной иерархии, усиливает стимул быть инерционно последовательным в абсолютизации прошлого опыта [Лебедевой М.М. 2009, с. 124].

В постбиполярной мире конфигурация структуры международных отношений не сможет приобрести форму глобальной империи, основанной на прямом насилии одной доминирующей державы гегемона. В еще большей степени, чем это было характерно для предыдущего исторического периода, мировой порядок будет производным от способности претендентов на лидерство формировать политическое и экономическое среду обитания своих основных конкурентов и тем самым, видоизменять содержание, форму и приоритетность их внешнеполитических целей и средств их реализации.

Таким образом, статус ведущего международного актера является необходимым, однако недостаточной причиной возникновения гегемона в международной системе. В борьбе лидеров за господство в международной системе важно конечный результат военного противостояния и институциональные основы мира, наступает после завершения конфликта. Масштабные военные конфликты чаще всего возникают тогда, когда накоплены достаточные ресурсы для таких длительных и экономически обременительных конфронтаций. Поэтому мировые войны, которые собственно и завершаются утверждением гегемонии, в определенной степени являются синхронными с соответствующими макроэкономическими циклами, однако эта обусловленность не может быть абсолютно детерминированной. Продолжительность светового устройства зависит от того, насколько он противоречит интересам отдельных государств, принадлежащих к центру международной системы, по сравнению с тем, в

какой мере это устройство соответствует их общим интересам. Задача сохранения мирового устройства также требует от государства гегемона быть способной применять военную силу в глобальных масштабах. Между тем другие государства также пользуются преимуществами установленного режима без того, чтобы нести в полной мере бремя военных расходов. Таким образом, гегемон попадает в ловушку чрезмерной имперской экспансии. Его упадок начинается, когда экономический рост перемещается к новым секторам экономики, в то время как экономика гегемона остается сконцентрированной в старых секторах, упадок.

Таким образом, процесс смены лидера во время переходного периода в гегемоны отмечен феномен "преимущества отсталости". В то же время может наблюдаться переход от доминирования внутренних сетей структуры системы к внешним сетям, или, наоборот, в противоположном направлении [Лебедевой М.М. 2009, с.130].

Альтернативой ориентации политики на самостоятельные действия может быть политика избирательных альянсов в пределах ограниченного круга партнеров. Однако в мире, в котором отсутствует четкая простота биполярности, разграничение на вероятных или желаемых союзников и противников оказывается не простой задачей, тем более, что чаще всего союзники в вопросах безопасности оказываются конкурентами в сфере международной торговли, финансов или технологического развития. Вместо большей управляемости или хотя бы предсказуемости хода развития мировой политики, множество блоков и ситуативных коалиций приведет к возникновению как опасений быть маргинализированными у тех, кто остается вне коалиции, так и неуверенности в прочности достигнутых компромиссов в самих участников таких альянсов.

Кроме формирования ситуативных альянсов, в больших государствах альтернатива создания широких по кругу участников объединений, которые, в таком случае, будут выступать как международное сообщество, является способным к единым коллективным действиям. По своей форме они могут

приобретать вид концерта государств или организации коллективной безопасности. Одним из способов подобного синтеза было бы создание многоуровневой, модульной структуры, основанной на разделяемых всеми обязательствами минимума согласованности в действиях и стандартах безопасности для всех участников. В этом случае в зависимости от конкретных проблем будет меняться и конфигурация стран, активно участвующих в процедуре согласования политик. Система будет проявлять тенденции к поиску консенсуса – одни государства будут играть роль лидеров из одних проблем, другие - из других. В то же время этот динамичный концерт великих держав функционировал бы в контексте универсальной по своему составу системе договоренностей об обеспечении коллективной безопасности, в рамках которой малые и средние государства имели бы право голоса, когда их интересы оказывались бы нарушены, или если бы они оказывались способными предложить свои услуги в решении конкретной проблемы.

Как идеальная модель такая гибридная конфигурация, на первый взгляд, вполне жизнеспособной. Вместе с тем в мире, в котором суверенные территориальные государства будут сосуществовать с международными актерами без территориальной локализации и суверенного статуса, такая форма обеспечения примата кооперативных действий с большой долей вероятности окажется ограниченной по своей практической действенности. Будучи универсальной по отношению к участию государств, оно оставляет за пределами негосударственных международных актеров. Интеграция последних будет требовать не только создание формальных оснований для более равноправных отношений между ними и традиционными актерами, но и урегулирования отношений с социальными сообществами и, прежде всего, в отношениях открытости и социальной ответственности. Частные корпорации, международные организации, как межгосударственные, так и негосударственные, так же как и индивидуализированные международные актеры не могут больше игнорировать проблему легитимизации своей

политической деятельности, претендуя на повышение своего статуса в пределах транснациональных и глобальных политических проектов будущего. Однако последнее представляется в ближайшей перспективе еще более проблематичным, чем согласие государств на потерю своей властной монополии в публичной политике. Поэтому энтропия международной системы кроме пространственной фрагментации, что будет усиливаться и в измерении субъектов политической и социальной действия.

Принципиальным, однако, является то обстоятельство, что именно в этом негосударственном сообществе международных актеров будет концентрироваться критическая масса процессов, которые будут определять макроконфигурацию системы международных отношений и будущее международной политики. Эта новая сообщество может стать как движущей силой фундаментальных изменений, так и фактором, сдерживающим радикальную трансформацию мирового порядка и обеспечивает продолжение существования основных черт Вестфальской системы в их видоизмененной форме [Барановский В. Г. 2012, с. 36-44].

Таким образом, формирование структуры постбиполярной системы международных отношений происходит как диалектический процесс взаимодействия тенденций сохранения преемственности с предыдущей исторической формой существования международной системы, с одной стороны, и радикального обновления в ее существенных чертах, с другой.

1.2. Геополитическая характеристика Афганистана

Исламское государство Афганистан занимает важное геополитическое положение в юго-западной части Азии. Оно расположено на древних путях переселения народов и завоевательных походов, что предопределило этнические и культурные различия народов, населяющих страну. Еще в первой половине I тысячелетия до нашей эры на территории современного Афганистана возникло рабовладельческое государство Бактрия, оказывавшее

большое влияние на окружающие страны. С тех времен все завоевательные походы – и Александра Македонского, и монголо-татарское нашествие, и походы Тамерлана, и другие, так или иначе проходили через Афганистан. Здесь пролегало и одно из ответвлений знаменитого Шелкового пути.

Как отмечает А.А. Князев, для господства и закрепления на Среднем Востоке решающее значение имело удержание Афганистана. Например, после завоевания Индии Великобритания на протяжении XIX столетия предприняла несколько безуспешных походов в Афганистан, пытаясь установить там свое господство. Там же впоследствии столкнулись геополитические интересы Британской и Российской империй, а в XX веке – США и Советского Союза. Не случайно об Афганистане говорят как о «кладбище империй» [Князев А.А. 2009, с. 35-51].

Современный Афганистан (полная официальная форма – Исламская Республика Афганистан) представляет собой государство на Среднем Востоке, которое не имеет выхода к морю. Это одна из беднейших стран мира на сегодня, в которой с 1978 года идёт гражданская война.

Территория страны – 652 тыс. кв. км. На севере имеет около 2,3 тыс. км общей границы с Туркменией, Узбекистаном и Таджикистаном, на северо-востоке – с Китаем (75 км), на юге – с Пакистаном (2180 км) и на западе – с Ираном (820 км) [Босин Ю.В. 2002, с. 232].

Наиболее густо заселены речные долины на Бактрийской равнине на севере Афганистана, бассейны рек Кабул, Герируд и др.; пустыни на юге Афганистана и высокогорные районы центрального и северо-восточного Афганистана почти безлюдны.

Афганистан населяют более 20 народностей численностью около 30 млн. человек. Из них пуштуны – 42%, таджики – 28%, хазарейцы – 10%, узбеки – 8%, чараймаки – 2,6%, туркмены – 2%, белуджи – 0,5%, нуристанцы – 0,4%, пашаи – 0,2%. Официальные языки – пушту и дари (афганский диалект персидского языка). В стране преобладает мусульманская религия

(98% верующих), из них 80% – сунниты и 18% – шииты. Столица Афганистана – Кабул (около 1,5 млн. человек).

Афганистан находится на перепутье между Востоком и Западом и является древним центром торговли и миграции. Его геополитическое расположение – между Южной и Центральной Азией с одной стороны и Ближним Востоком с другой, что позволяет ему играть важную роль в экономических, политических и культурных отношениях между странами региона.

Территория Афганистана расположена в основном в пределах Альпийско-Гималайского подвижного пояса, за исключением Бактрийской равнины, принадлежащей южной окраине Туранской платформы.

Недра Афганистана богаты полезными ископаемыми, но их разработка носит ограниченный характер ввиду их расположения в отдалённых горных районах. Присутствуют залежи каменного угля и драгоценных металлов, бериллиевых руд, серы, поваренной соли, мрамора, лазурита, барита, целестина. Присутствуют месторождения нефти, природного газа, гипса. Разведаны медные, железные, марганцевые руды.

Медное месторождение Айнак близ Кабула считают самым большим в Евразии (запасы около 240 млн т. руды с содержанием 2,3 % (оценка 2006 г.), недалеко от Кабула находится и железорудное месторождение Хаджигек (запасы около 428 млн т. руды с содержанием 62-68 %), которое считается самым крупным в южноазиатском регионе.

Ближний и Средний Восток тесно связаны между собой, а в ряде аспектов, особенно в цивилизационном и религиозном отношениях, и неразделимы. Богатые энергетические ресурсы и возможность использования мусульманского фактора в своих геополитических интересах всегда привлекали к ним внимание не только Великобритании, но и других ведущих держав.

По данным специалистов по борьбе с наркобизнесом, около 60% полученного в Афганистане урожая опиума перерабатывается на

предприятиях, расположенных вдоль границы с соседними странами. Оттуда героин и оставшийся опиум переправляется хорошо вооруженными и оснащенными современной техникой наркокурьерами на рынки сбыта. Так, часть наркотиков контрабандными тропами идет через страны Центральной Азии и Казахстан на запад – в европейские районы России, а оттуда – на Украину, в Беларусь, Молдову, в страны Балтии и далее – в Восточную и Западную Европу, а также на север и восток России – в Сибирь и на Дальний Восток. Другая часть – в Пакистан, Иран и далее через Иран несколькими маршрутами в Турцию и далее – в Европу; на Кавказ и далее – в Россию; на север и далее – «езде»; на юг – в страны Персидского залива и далее – «езде». Этот путь нарекли «Золотым полумесяцем».

По мнению М.Р. Аруновой, резкая активизация контрабанды наркотиков создает очаги напряженности в сопредельных государствах практически по всему периметру афганской границы. Так, ситуация на таджикско-афганской границе, которую охраняют российские военнослужащие, в последнее время становится все более сложной. От отдельных стычек дело сегодня дошло до широкомасштабных боев с наркокурьерами. Такая же взрывоопасная обстановка и на ирано-афганской границе. По сообщению иранской прессы, только с марта 1998 по март 1999 г. на границе с Афганистаном были уничтожены сотни наркодельцов и наркокурьеров, разгромлены десятки тайных баз наркобизнесменов. В боях с контрабандистами погибли 80 иранских военнослужащих [Арунова М.Р. 2000, с. 128].

Мощный взрыв производства наркотиков в талибском Афганистане породил практически неуправляемую ударную волну их сбыта и потребления, обогнувшую весь мир. Рекордный выброс афганских наркотиков на черные рынки сбыта резко снизил цену на них при сохранении более высокого качества, чем бирманские или колумбийские аналоги. Подобная ситуация привела к резкому увеличению потока более дешевого афганского

героина в Европу, где употребляется уже 80% наркотиков афганского происхождения.

Необходимо также акцентировать внимание на современной постбиполярной системе международной системы, влияние которой непосредственно сказывается на Афганистане. Исчезновение «советской военной угрозы» и объединяющего общего врага сделали по существу бессмысленным существование НАТО. Альянс начал размагничиваться и размываться изнутри. Одновременно четче обозначились и усилили свое влияние новые региональные центры силы (прежде всего Китай) с тенденцией к установлению многополярного мира. Появились и некоторые другие экономические и военно-политические факторы, устанавливающие пределы безоговорочного лидерства США. Некоторые одиозные акции США не поддерживались даже ближайшими союзниками по НАТО. Агрессия против Югославии в 1999 году еще больше подорвала международный авторитет США и их влияние в мире.

Как считает А.Е. Снесарев, в этой обстановке нужно было событие, которое бы встряхнуло весь мир, сплотило НАТО и другие страны вокруг США. Таким событием, которое было невозможно без участия определенных сил внутри США, стал теракт 11 сентября 2001 года [Снесарев А.Е. 2002, с. 272].

Главной угрозой для всего мира был объявлен международный терроризм, для борьбы с которым должны были объединиться все страны под лозунгом «Кто не с нами – тот против нас». Основной базой терроризма были объявлены Афганистан и организация «Аль-Каида» во главе с бен Ладеном, который наряду с другими террористами был подготовлен в свое время американскими спецслужбами для борьбы против советских войск и республиканских властей Афганистана.

США провели операцию «Несокрушимая свобода» и начали войну с талибами в Афганистане с привлечением ряда других стран НАТО. Нарастивая свои усилия на антитеррористическом фронте, в 2003 году США

осуществили агрессию против Ирака, которую не поддержали даже такие ведущие их союзники, как Франция и Германия.

В последующем планировалось осуществить превентивные удары против ядерных объектов Ирана, где главная роль отводилась Израилю. Были предприняты усилия по вооружению Грузии с целью захвата Южной Осетии и Абхазии, закончившиеся полным провалом. Далеко не до конца урегулирована обстановка в Ираке. Ирак в нынешних границах с самого начала был недостаточно жизнеспособным государством и подогреваемые извне глубокие разногласия между суннитами и шиитами, фактор курдского сепаратизма осложняют и затягивают решение иракской проблемы.

Сложной остается обстановка в Афганистане. Выборы президента страны в августе 2009 года еще раз показали, насколько велик раскол в афганском обществе, и всю неэффективность политики США и других стран НАТО, проводимой ими в Афганистане. НАТО контролирует не более 3% всей территории страны. Правительство Карзая с трудом держится только в Кабуле и некоторых провинциальных центрах. С каждым годом в провинциях усиливаются позиции бывших полевых командиров, не подчиняющихся официальным властям. Альянс западных стран не смог решить ни одну из поставленных задач и теряет контроль в южных и юго-восточных районах страны. Социально-политическая, хозяйственная, культурная жизнь парализована отсутствием элементарной безопасности. Группировки талибов и боевиков «Аль-Каиды» продолжают вооруженную борьбу, все шире используя и территорию Пакистана. Растут потери войск альянса, особенно среди гражданского населения, что вызывает все большее возмущение.

Статистические данные за 2014 г. указывают на то, что Афганистан не справляется с увеличением своей доли в бюджете из-за политического кризиса, который негативно отражается на деловой активности и налоговых поступлениях. Вследствие этого по сравнению с 2013 годом, госбюджет сократился на 24%.

Главной проблемой остается война с талибами. Несмотря на полученную в 2014 году военную помощь объемом в 3,2 млрд евро, армия и полиция жалуются на недостаток средств для противостояния боевикам, которые регулярно устраивают кровавые теракты. В 2014 году жертвами нападений талибов стали уже 4600 сотрудников служб безопасности Афганистан, на 6% больше, чем в предыдущем, 2013, году.

НАТО вывело большую часть войск из Афганистана и продолжает финансировать афганскую национальную армию. Между тем США временно увеличили численность своих войск в рамках новой миссии в Афганистане, которая, как уверяют в Белом доме, носит временный характер.

Итак, учитывая все выше сказанное, необходимо сделать заключение о том, что Афганистан представляет собой государство на Среднем Востоке, которое не имеет выхода к морю. Это одна из беднейших стран мира на сегодня.

Современное геополитическое положение Афганистана указывает на очень низкий уровень развития экономики этой страны и то, что из субъекта международных отношений вследствие длительной гражданской войны исламская республика превратилась в объект международной политики.

Богатые энергетические ресурсы и возможность использования мусульманского фактора в своих геополитических интересах всегда привлекали к Афганистану внимание не только Великобритании, но и других ведущих держав. Главной проблемой остается война с талибами. Несмотря на полученную в 2014 году военную помощь объемом в 3,2 млрд евро, армия и полиция жалуются на недостаток средств для противостояния боевикам, которые регулярно устраивают кровавые теракты.

1.3. Внешняя политика Афганистана в период правления Талибов

Талибы в 1998 г. установили контроль над основной массой центральных и северных провинций державы. К началу 1999 г. ДТ осуществляло контроль около 80% территории Афганистана, в том числе районы с преимущественно узбекским и хазарейским населением. Лидер талибов мулла М.Омар провозгласил страну «Исламским Эмиратом Афганистан». Совместно с тем формирования правительственных сил Исламского Государства Афганистан (ИГА) во главе с военным управляющим таджикского Исламского общества Афганистана (ИОА) А.Ш. Масудом при поддержке сохранивших боеспособность отрядов других антиталибских группировок, входящих в Объединенный Фронт (ОФ), продолжают в той или иной степени сдерживать собственные позиции в провинциях Бадахшан, Тахар, Каписа, Парван, Баглан, Кундуз, Сари - Пуль. Во второй половине 1999 г. талибы, активно поддерживаемые Пакистаном, предприняли несколько широкомасштабных наступательных операций, попытавшись определить полный контроль над всей территорией Афганистана. С пакистанской стороны в распоряжение движение талибан было направлено более 10 тыс. пакистанских добровольцев из числа учащихся религиозных школ и боевиков ряда исламских экстремистских организаций, а еще более 500 боевиков из некоторых арабских государств, которые подчинялись базирующемуся в Афганистане саудовскому террористу У. бен Ладену.

Но однако, данные действия талибов, нацелены на то, чтобы выгнать «северян» с занимаемых ими позиций, перекрыть их главные транспортные коммуникации, закрыть силы А.Ш. Масуда в его основном опорном пункте – Панджшерской долине и постараться их там уничтожить, были отбиты, при этом со значительными потерями для талибов в живой силе и технике.

Созданный А.Ш. Масудом довольно эффективный отпор талибам выдвинул его на роль фактического военно-политического лидера всей

антиталибской коалиции. Он смог повысить взаимодействие почти со всеми оппозиционными полевыми командирами, в том числе пуштунскими. Было создано единое командование в лице Высшего военного совета, в который вошли представители практически всех воюющих с талибами афганских группировок.

Осенью 1999 г. был реорганизован Руководящий совет Афганистана в составе 45 человек под председательством президента ИГА Б.Раббани, исполняющий роль парламента: 12 более известных и авторитетных членов РСА составляют его президиум, исполняющий координацию деятельности Совета. Определен новый состав правительства ИГА, в который вошли представители практически всех народностей и наций страны. В нем также зарезервированы места за представителями афганской эмиграции. Невзирая на последние военные неудачи, руководство движение талибан по-прежнему жестко ориентируется на исключительно силовые методы решения внутриафганских проблем, готовится к новым боевым действиям против объединенного фронта. В этой связи отвергаются предложения антиталибского «северного» альянса обсудить различные планы мирного урегулирования. Последним из таких планов предусматривалось прекращение огня и начало переговоров о формировании временного правительства с равным представительством противоборствующих сторон, разоружение всех военных формирований и создание единой национальной армии, подготовка проекта конституции и избрание главы государства путем всеобщих выборов или через механизм традиционного для Афганистана общенационального форума – Лойя Джирги. Время от времени талибы выдвигают в качестве «мирных предложений» свои по существу ультимативные условия «урегулирования». Они предусматривают предоставление нескольких второстепенных правительственных и губернаторских постов «северянам» – представителям непуштунских национальностей при признании верховной власти за лидером движения талибан – «эмиром всех мусульман-афганцев» М.Омаром. При этом всем

военно-политическим организациям, входящим в объединенный фронт, предлагается сдать оружие и самораспуститься.

Руководство ДТ не один раз формально соглашалось на контакты и переговоры с представителями северного альянса, но потом всякий раз срывало данные переговоры, которые оказывались в конечном итоге «дымовой завесой» для подготовки к новым наступательным операциям. Так было в апреле 1998 года, как только талибы провалили переговоры, организованные под эгидой Спецмиссии ООН в Исламабаде и на следующей же день начали военные действия против ОФ.

Упорный отказ руководства талибов идти на политическое решение через межафганский диалог и создание широкопредставительного многоэтнического правительства, ставка на силовое разрешение внутриафганских противоречий ведут к дальнейшему обострению военно-политической обстановки в стране, усилению кровопролития, грозят новыми разрушениями и человеческими жертвами. К почти 3 млн. афганских беженцев за рубежом (в основном в Пакистане и Иране) в 1999 году прибавилось более 150 тыс. перемещенных лиц внутри страны. Политический экстремизм и религиозная нетерпимость талибов, проповедующих воинствующий ваххабизм, в последнее время все больше приобретает трансграничный характер и превращается в серьезную угрозу для стран региона и всего мира. По существу, уже можно говорить о превращении контролируемой талибами территории Афганистана в опорную базу международного экстремизма и терроризма. Здесь нашел убежище У. бен Ладен, возглавляющий небезызвестную организацию «Аль-Кайда». В приграничных с Пакистаном и других афганских провинциях действуют лагеря по подготовке международных террористов из числа граждан арабских стран и выходцев из государств Центральной Азии. Талибами установлены контакты и налаживается координация действий с бандформированиями, воюющими в Чечне, с представителями радикального крыла таджикской оппозиции, с экстремистскими исламскими

группировками, пытающимися действовать на территории Киргизии и Узбекистана. Имеются сведения и о связях талибов с экстремистами из Синьцзян-Уйгурского национального района КНР. В начале ноября 1999 г. руководство движения талибан обратилось к одному из лидеров антиталибской коалиции А.Ш.Масуду с предложением о перемирии, с тем чтобы использовать его для «совместной поддержки героической борьбы чеченских мусульман». «Северяне» отвергли это предложение, обвинив талибов в попытке превратить Афганистан «во вторую Чечню». Масштабы подготовки террористов в Афганистане таковы, что даже покровительствующая талибам администрация бывшего премьер-министра Пакистана Н.Шарифа, встревоженная расширением масштабов развязанного сторонниками талибов террора против известных афганских и пакистанских деятелей в Пешаваре и Кветте, незадолго до своего отстранения от власти направила в Кандагар своего эмиссара – главу Объединенного разведуправления генерала Зияуддина с требованием прекратить подготовку террористов и свернуть деятельность соответствующих лагерей и центров.

Невнимание руководства ДТ к ясно выраженной воле мирового сообщества относительно необходимости политического урегулирования в Афганистане, игнорирование талибами соответствующих рекомендаций и резолюций ООН вынуждают последнюю реагировать адекватно и ужесточать свое отношение к ДТ. 15 октября 1999 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 1267, потребовавшая от талибов ликвидации инфраструктуры по подготовке международных террористов и выдачи правосудию У. бен Ладена. Поскольку руководство движение талибан отказалось выполнить эти требования, то, согласно положениям вышеуказанной резолюции, с 14 ноября 1999 г. против талибов были введены международные санкции, предусматривающие запрет на международные полеты самолетов афганской авиакомпании «Арьяна» и замораживание зарубежных банковских счетов и денежных авуаров талибов за исключением

оговоренных случаев, связанных с оказанием гуманитарной и другой помощи [Лавров А. Ю. 2010, с. 98].

Председатель Совета Безопасности ООН 22 октября 1999 года выступил с заявлением, в котором была выражена глубокая озабоченность по поводу продолжающегося в Афганистане конфликта, «представляющего собой серьезную и растущую угрозу региональному и международному миру и безопасности». В заявлении подчеркивалось, что у афганского конфликта нет военного решения и что к миру и примирению может привести лишь достигнутое путем переговоров политическое урегулирование, направленное на формирование на широкой основе многоэтнического и в полной мере представительного правительства, приемлемого для всех афганцев. Совет Безопасности призвал конфликтующие афганские стороны к прекращению боевых действий и возобновлению переговоров, обратился ко всем государствам принять решительные меры, с тем чтобы запретить своим военнослужащим планировать боевые операции в Афганистане и участвовать в них, а также немедленно вывести свой персонал и обеспечить прекращение военных поставок. Совет Безопасности решительно осудил продолжающееся использование афганской территории, контролируемой ДТ, для укрывания и обучения террористов, планирования террористических акций, потребовал прекращения предоставления талибами убежища международным террористам и их организациям, их обучения, а также выдачи У. бен Ладена [Лебедева М.М. 2009, с. 46]. Руководство ДТ пыталось смягчить или отсрочить введение санкций, предлагая различные «компромиссные» варианты от «строгой изоляции» миллионера-экстремиста до создания некоего «исламского совета» из представителей мусульманских стран для решения его судьбы, а также предложило вариант выезда У. бен Ладена из Афганистана при условии предоставления ему безопасного коридора и сохранения в тайне его дальнейшего местопребывания. Когда все эти варианты были отвергнуты, талибы заявили, что не собираются выдавать У. бен Ладена или заставлять

его покинуть территорию Афганистана, поскольку считают выдвинутые против него обвинения в терроризме бездоказательными. В конце ноября 1999 года в своем итоговом докладе Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН о положении в Афганистане Генсекретарь ООН подчеркнул, что афганский конфликт достиг той точки, когда уже нельзя больше игнорировать его региональные и международные последствия. К.Аннан выразил серьезную озабоченность международного сообщества тем, что Афганистан становится рассадником религиозного экстремизма, сектантского насилия и различных видов международного терроризма, масштабы которых далеко выходят за границы этой страны. Он назвал неприемлемым увеличивающееся присутствие на стороне талибов тысяч иностранных бойцов неафганского происхождения из Пакистана, в том числе не достигших 14 лет, а также боевиков из ряда арабских стран. В качестве одного из главных препятствий на пути к миру в Афганистане К.Аннан указал на продолжающуюся иностранную военную подпитку враждующих афганских группировок и призвал к ее прекращению. Отражением растущего осознания мировым сообществом исходящей из Афганистана опасности политического экстремизма и международного терроризма стала принятая в декабре 1999 года общая резолюция 54-й сессии ГА ООН «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности», в число соавторов которой вошло свыше 80 государств.

В резолюции резко осуждается эскалация по вине талибов вооруженного конфликта, действия базирующихся на афганской территории террористов, включая поддержку ими экстремистских групп, выступающих против государств – членов ООН и их граждан, а также содержится требование, адресованное прежде всего талибам, воздерживаться от предоставления убежища международным террористам и их организациям или от обучения террористов, прекратить их вербовку, закрыть учебные лагеря для террористов, выдать У. бен Ладена. Другой, не менее опасной угрозой для региона и мира в целом является беспрецедентный рост

производства наркотиков в Афганистане. По данным экспертов Программы ООН по международному контролю за наркотиками (ЮНДКП), производство опиума в 1999 г. выросло на 117% и достигло 4,6 тыс. т (76% объема мирового производства). 97% опиума производится в контролируемых ДТ районах. Территория возделывания увеличилась на 43% – с 64 тыс. га в 1998 г. до 91 тыс. га в 1999 г. Общее число афганских провинций, где выращивается опиум, достигло 18 (всего в Афганистане 31 провинция). Администрация талибов получает 10-процентный налог с урожая всех сельскохозяйственных культур, включая опиумный мак. Это, по мнению экспертов ООН, означает, что выращивание мака считается законным. До 70% производимых в Афганистане наркотиков поступает в Европу, причем около 60% – незаконно перевозится через приграничные с ИГА центральноазиатские государства СНГ [Богатуров А.Д. 2009, с.176].

Талибская администрация формально заявляет о своей готовности сотрудничать с ООН в реализации программ по сокращению посевных площадей под опиумный мак и замене их альтернативными сельскохозяйственными культурами, однако обуславливает такое сотрудничество выделением «достаточных для поощрения крестьян» финансовых средств. После введения санкций талибы стали использовать требование о сокращении посевов в качестве инструмента давления на ООН в пользу отмены санкций, заявляя, что последние, мол, вынудят афганцев в еще больших объемах выращивать опиумный мак. В любом случае руководство ДТ, судя по всему, не намерено всерьез сотрудничать с международным сообществом, поскольку наркодоходы превратились в основной и крупнейший источник финансирования экстремистского курса талибов.

Судя по всему, решить наркопроблему в Афганистане или, по крайней мере, добиться прогресса в ее решении представляется маловероятным без достижения политического урегулирования, нормализации обстановки в

стране и восстановления на местах стабильной власти, реально контролирующей ситуацию.

Обеспокоенность мирового сообщества обострением наркоситуации в Афганистане отражена в ряде документов ООН. В частности, в итоговой резолюции 54-й сессии ГА содержится призыв, адресованный в первую очередь к талибам, прекратить всю незаконную деятельность, связанную с наркотиками, и поддержать международные усилия в целях запрещения их незаконного производства и оборота. Обращается внимание на необходимость активизации деятельности ЮНДКП по мониторингу выращиваемых в Афганистане наркокультур, разработке проектов альтернативного сельскохозяйственного развития и проведению других мер по борьбе с наркотиками. С учетом расширяющихся масштабов наркобизнеса в ООН прорабатываются программы создания в сопредельных с Афганистаном государствах «поясов безопасности» для усиления борьбы с контрабандой наркотиков. Прямым следствием силового экстремистского курса ДТ является неуклонное ухудшение гуманитарной ситуации в Афганистане в результате постоянного грубого нарушения талибами международных гуманитарных норм и прав человека, геноцида в отношении пуштунского населения. Талибы ведут жесткую линию на искоренение инакомыслия и любых проявлений оппозиционности. В провинциях с преобладающим таджикским, узбекским и хазарейским населением они стремятся укрепить свое присутствие путем переселения сюда пуштунов из других районов и возвращающихся в страну беженцев-пуштунов.

В ходе наступательных операций на позиции объединенного фронта талибы не только изгоняют местное население, но и уничтожают жилые дома, пастбища, угоняют скот, реквизируют продовольствие. Число беженцев из районов боевых действий к концу 1999 года превысило 150 тыс. человек. Продолжающийся внутриафганский конфликт сдерживает процесс возвращения афганских беженцев на родину из Ирана и Пакистана [Коргун В. Г. 2006, с. 53].

В принятой в ноябре 1999 года в III Комитете 54-й сессии ГА ООН резолюции «Ситуация с правами человека в Афганистане» руководство ДТ подвергается резкой критике за массовые убийства гражданского населения в ходе боевых действий и этнических чисток, неизбирательные бомбардировки населенных пунктов, насильственное перемещение мирного населения, использование детей в качестве солдат, постоянное нарушение прав женщин и девочек, негуманное обращение с военнопленными, невыполнение обещаний расследования и наказания лиц, виновных в убийстве группы иранских дипломатов и нескольких сотрудников ООН. В ряде последних документов Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН отмечается негативное воздействие продолжающегося вооруженного конфликта на продовольственную ситуацию и положение с товарами первой необходимости, подчеркивается недопустимость осуществления талибами экономической блокады некоторых районов страны и создания препятствий в бесперебойной доставке международной гуманитарной помощи нуждающемуся в ней населению. ООН призывает афганские стороны и в первую очередь талибов в полной мере уважать права человека и основные свободы всех людей, независимо от пола, этнического происхождения или вероисповедания в соответствии с международными документами по правам человека, обеспечить благоприятные и безопасные условия для гуманитарной деятельности в Афганистане учреждений ООН и других международных организаций [Снесарев А.Е. 2002, с. 272].

Талибы признают важность продолжения оказания мировым сообществом гуманитарной и донорской помощи населению Афганистана, о чем свидетельствует подписанный ими с Управлением ООН по координации гуманитарной помощи Меморандум о взаимопонимании. Вместе с тем они постоянно осложняют работу ооновцев в этой области, выдвигая различного рода условия и требования, подчиняют ее политической конъюнктуре. После введения Советом Безопасности ООН ограниченных санкций против движения талибан, талибская администрация организовала серию

демонстраций и погромов учреждений ООН в Афганистане, хотя талибам хорошо известно, что санкции ООН не распространяются на оказываемую афганцам гуманитарную помощь.

Таким образом, развитие ситуации в Афганистане, характеризующееся неуклонным обострением военно-политической обстановки, ужесточением вооруженного противоборства, резким ухудшением гуманитарного положения, все активнее порождает и выбрасывает за пределы этой страны метастазы экстремизма и международного терроризма, незаконного оборота наркотиков, грубого нарушения прав человека и международного гуманитарного права. Эти нарастающие вызовы региональной и международной безопасности должны быть услышаны и восприняты со всей серьезностью и ответственностью. Мировому сообществу следует не только не ослаблять, но и усиливать воздействие на противоборствующие афганские силы, особенно талибов, с целью склонения их к прекращению кровопролития и поиску компромиссных развязок внутриафганских проблем. Центральное место в этом деле по-прежнему должно принадлежать ООН как главному авторитетному и беспристрастному посреднику в достижении политического урегулирования, приемлемого для всех афганцев. Понимание такой необходимости имеется у Генсекретаря ООН К.Аннана. Он намерен активизировать деятельность Специальной миссии ООН по Афганистану, которая возьмет на себя главную роль в проведении миротворческой работы в этой стране, а также укрепить и интенсифицировать ее контакты со сторонами конфликта, с представителями других афганских сил, непосредственно не участвующих в вооруженном противоборстве, равно как и с представителями всех заинтересованных стран мира, готовых помочь нахождению мирного решения конфликта.

К.Аннан отмечает необходимость усиления борьбы с исходящей из Афганистана наркоугрозой. В качестве первых шагов на этом пути можно рассматривать достигнутые в 1999 г. между ЮНДКП и властями Пакистана, Ирана, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана договоренности о

реализации программ в области пограничного контроля и охраны правопорядка. Подписаны меморандумы о взаимопонимании со всеми странами Центральной Азии с целью улучшения координации работы погранслужб и правоохранительных органов этих стран [Малышева Д. 2012, с. 59].

Существенным компонентом в позитивном воздействии на ситуацию в Афганистане остается оказание гуманитарной, донорской, продовольственной, медицинской и другой помощи населению этой страны со стороны ООН и международных гуманитарных учреждений. ООН обратилась к странам-членам с призывом оказать в 2000 году чрезвычайную и гуманитарную помощь Афганистану в объеме 270 млн. долларов [Князев А.А. 2009, с. 35-51].

Важным инструментом в деятельности ООН на афганском направлении является созданная в 1997 г. по инициативе Спецпосланника Генсекретаря ООН по Афганистану Л.Брахими «Группа соседей и друзей Афганистана» («Группа 6+2»), в которую входят Иран, КНР, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а также Россия и США. Группой выработаны согласованные подходы к проблеме внутриафганского урегулирования, которые были зафиксированы в принятой в Ташкенте в июле 1999 г. на ее выездном заседании с участием заместителей министров иностранных дел Декларации об основных принципах мирного урегулирования конфликта в Афганистане.

На сегодняшний день «Группа 6+2» остается одним из немногих жизнеспособных международных механизмов содействия внутриафганскому урегулированию, несмотря на то, что некоторые участники Группы, в частности Пакистан и Туркменистан, все больше дистанцируются от совместно выработанной линии поведения.

Следует отметить, что характер дальнейшего развития событий в Афганистане, а следовательно, увеличение или уменьшение исходящих от этой страны вызовов международному сообществу во многом будут зависеть

от образа действий соседних стран, прежде всего Пакистана и Ирана. Новые пакистанские власти, занятые внутренними делами, пока, судя по всему, не собираются приносить резких перемен в свою «афганскую» политику.

Заявляя о стремлении Исламабада добиваться справедливого политического урегулирования в Афганистане на основе создания широкопредставительного правительства, глава военной администрации П.Мушарраф вместе с тем указывает на необходимость учитывать «особые интересы» движения талибан, мотивируя это тем, что талибы контролируют почти 90% территории страны. Это заявление можно расценивать как осторожное подтверждение позиции Исламабада в поддержку ДТ с его претензий на установление монополюльной власти в Афганистане.

Официальные представители Пакистана заявляют, что как член ООН он будет соблюдать введенные против ДТ санкции, хотя в Исламабаде считают, что они осложняют гуманитарную ситуацию в этой стране. Что касается выдачи У. бен Ладена, то пакистанцы подтвердили свою позицию относительно того, что этот вопрос является «внутренним делом Афганистана».

Позиция Ирана в отношении афганских событий, судя по заявлениям официальных властей в Тегеране, также остается неизменной. Иран выступает за скорейшее политическое урегулирование с учетом интересов всех этнических групп и религиозных конфессий. Пока эти интересы не будут признаны и узаконены талибами в форме широкопредставительного коалиционного правительства, Тегеран продолжит оказывать помощь и поддержку силам антиталибской коалиции [Коргун В. Г., 2006, с.85].

За продолжающимся вооруженным противостоянием между движением талибан и объединенным фронтом, которые, безусловно, являются ключевыми участниками афганских событий, не следует забывать и о так называемой «третьей силе» – афганской зарубежной диаспоре. Это наиболее образованная и профессионально подготовленная часть афганского общества во многом остается носителем афганских общественно-

политических и культурных традиций и современных либерально-буржуазных взглядов. Как бы ни развивались события в Афганистане, эта «третья сила» рано или поздно будет востребована уже хотя бы потому, что для нормальной жизнедеятельности любой страны в мирных условиях нужны технократы, врачи, учителя, другие квалифицированные специалисты.

В последнее время представители «третьей силы», включая экс-короля Афганистана М.Захир Шаха и его окружение, заметно активизировали усилия по поиску политической альтернативы вооруженному конфликту в Афганистане. В конце ноября 1999 г. в Риме по инициативе М.Захир Шаха состоялось заседание учредительного оргкомитета по созыву чрезвычайной Лойя Джирги (собрание народных представителей), в котором приняли участие более 80 посланцев промонархических и либеральных кругов. В принятой оргкомитетом заключительной декларации зафиксировано решение созвать Лойя Джиргу на территории Афганистана при первой же благоприятной возможности для выработки принципов мирного урегулирования и определения будущего государственного устройства страны.

Подобного рода встречи состоялись также в ФРГ, Голландии, Иране, Пакистане, что свидетельствует о значительной разобщенности и определенной конкуренции в афганской зарубежной диаспоре.

Реакция объединенного фронта на прошедшие мероприятия была в целом положительной. Римская встреча была расценена в качестве позитивного шага в направлении консолидации афганцев. движение талибан отреагировало на встречу в Риме негативно, отметив, что ее решения приняты «в отрыве от афганских реалий». Вместе с тем талибы не исключили возможности проведения Лойя Джирги в Афганистане с целью обсуждения актуальных социально-экономических и административных проблем, но не вопроса о власти, который, мол, уже решен в пользу движения талибан.

Как показывает развитие ситуации в Афганистане, вовлеченные в конфликт афганские силы, и прежде всего талибы, все еще не готовы к серьезному и ответственному мирному диалогу, поскольку, видимо, не исчерпали потенциала своей воинственности и непримиримости и рассчитывают на продолжение подпитки извне. С учетом этого, в интересах адекватного реагирования на исходящие из Афганистана вызовы региональной и международной безопасности мировому сообществу необходимо в ближайшее время предпринять самые энергичные шаги, чтобы переломить существующую в этой стране трагическую ситуацию в направлении политического урегулирования, помочь афганцам найти взаимоприемлемую, компромиссную формулу практического сосуществования пуштунов и непустунской части афганского общества в форме создания широкопредставительного и многоэтнического правительства в соответствии с рекомендациями и резолюциями Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН. В противном случае затяжной кризис в Афганистане грозит стать неуправляемым и от его катастрофических последствий не будет застраховано ни одно государство региона.

Глава 2. Анализ внешней политики США в Афганистане в XXI в

2.1. Операция «Несокрушимая свобода»: причины, участники, ход, результаты

Войне в Афганистане предшествовали трагические события – теракты 11 сентября 2001 г., после которых тогдашний президент США, республиканец Джордж Буш-младший, объявил войну международному терроризму в лице «Аль-Каиды» во главе с Усамой бен Ладеном и режиму талибов в Афганистане, территория которого к тому моменту стала основной базой международного терроризма, где под крылом радикального исламского движения «Талибан» нашли свое пристанище радикальные исламистские боевики.

Буш направил американские войска зачищать Афганистан от талибов, заручившись дипломатической поддержкой многих стран мира, среди которых была и Россия. Правовой основой для военных действий США стал пункт 51 Главы VII Устава ООН о праве «на индивидуальную или коллективную самооборону». Перед американцами стояли три главных цели: уничтожить Бен Ладена, покончить с «Аль-Каидой» и свергнуть режим талибов.

7 октября 2001 г. президент США санкционировал нанесение воздушных ударов по столице Афганистана Кабулу и ряду других городов. Началась военная операция «Несокрушимая свобода» («Enduring Freedom») [Roy O, 2007, p. 92], в которой самое активное участие принял ближайший союзник США – Великобритания. Если американцы и британцы в основном занимались нанесением воздушных авиаударов по главным городам Афганистана и опорным базам талибов, то в наземной операции важнейшую роль сыграл «Северный альянс» во главе с Ахмадом Шахом Масудом.

Военная операция против движения Талибан началась вечером 7 октября 2001 года. В нанесении первого удара принимали участие 40 боевых

самолётов; с американских и британских кораблей было выпущено около 50 крылатых ракет.

В течение первого месяца боевые действия сводились к воздушным бомбардировкам американской авиацией различных военных объектов движения «Талибан». Система ПВО талибов была выведена из строя почти сразу; вся имевшаяся у них авиация была уничтожена на аэродромах. Также проводились и наземные операции с участием сил специального назначения стран коалиции. Талибы объявили об уничтожении нескольких вертолётных и десятков солдат противника, продемонстрировав в подтверждение этого видеосъёмку вертолётного шасси. Их сообщения были опровергнуты американским Центральным командованием; по его версии, вертолёт СН-47 потерял шасси во время столкновения с препятствием. В целом практически вся информация о ходе военных действий исходила либо из американских и британских официальных источников, либо от катарского телеканала «Аль-Джазира» – единственного телеканала, чьим журналистам талибы позволили работать в Афганистане.

Основную роль в ведении воздушной войны играли стратегические бомбардировщики В-1В, В-2, В-52. Большинство ударов наносилось высокоточными боеприпасами с лазерным или спутниковым наведением, что, однако, не позволило избежать инцидентов с гибелью мирного населения. Были применены и сверхтяжёлые авиационные бомбы «С-17» разбрасывали над страной пакеты с продовольствием и медикаментами.

После месяца бомбардировок боеспособность движения Талибан снизилась: Оно потеряло всю свою авиацию (наличие которой ранее было заметным преимуществом над Северным альянсом), тыловые линии снабжения были нарушены. 9 ноября 2001 года Северный альянс провёл первую серьёзную наступательную операцию с начала воздушной кампании, взяв крупный город Мазари-Шариф. При этом было убито много талибов, прекративших сопротивление, а город подвергся мародёрству. Утрата Мазари-Шарифа нанесла Талибану неожиданно серьёзный удар. Многие

поддерживавшие его полевые командиры предпочли перейти на сторону Северного Альянса после первого же поражения. Уже 13 ноября талибы без боя оставили Кабул, находившийся под их властью с 1996 года. Несколько дней спустя они контролировали лишь южную часть Афганистана, и город Кундуз на севере. Осада Кундуза продолжалась с 16 по 25 ноября и завершилась капитуляцией удерживавших город сил Талибана. Пленные были помещены в старинную крепость Калайи-Джанги, где, однако, подняли мятеж, который был подавлен Северным Альянсом при поддержке американских спецподразделений и авиации лишь через неделю. Из числа восставших выжили несколько десятков человек. В ходе боёв в Калайи-Джанги военные силы США понесли первую подтверждённую потерю от действий противника – погиб сотрудник ЦРУ Джонни «Майк» Спэнн [Коргун В.Г. 2009, с. 320].

К концу ноября под контролем талибов оставался только один крупный город – Кандагар, колыбель движения Талибан. Здесь находился и лидер движения мулла Омар. 25 ноября в Афганистане высадился первый крупный воинский контингент США – около 1000 морских пехотинцев были вертолётами переброшены с кораблей в Аравийском море в район южнее Кандагара, где они создали передовую оперативную базу Кэмп-Рино (Camp Rhino). На следующий день к лагерю выдвинулась небольшая колонна бронетехники талибов, которая была уничтожена вертолётами АН-1W. Хотя морская пехота не участвовала в наземных боевых действиях, положение талибов в осаждённом Кандагаре постепенно ухудшалось, и 7 декабря город пал. Часть боевиков сумела бежать в соседний Пакистан, часть ушла в горы (включая и муллу Омара), остальные сдались в плен Северному Альянсу.

Р.Р. Сикоев считает, что само взятие Кандагара символизировало завершение основного этапа боевых действий. Внимание американского командования теперь было обращено к горному району Тора-Бора на юго-востоке Афганистана. Здесь ещё со времени участия в Афганской войне СССР располагался крупный пещерный комплекс, где, по данным разведки,

укрывался Усама бен Ладен. Сражение за Тора-Бору продолжалось с 12 по 17 декабря. На комплекс наступали местные вооружённые отряды, при поддержке американской авиации. После взятия пещеры были тщательно осмотрены. Как выяснилось, бэн Ладен успел покинуть его накануне сражения. Несмотря на это, продолжавшаяся два с половиной месяца военная операция США и Великобритании увенчалась успехом – движение Талибан было отстранено от власти и практически утратило боеспособность. Во главе страны встал Хамид Карзай, назначенный главой переходной афганской администрации в декабре 2001 года и утверждённый временным президентом в июне 2002 года на Лойджирга. Для поддержания безопасности в Афганистане была развёрнута военная миссия НАТО, получившая название International Security Assistance Force, создана согласно резолюции Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 года). Поначалу её зона ответственности распространялась только на Кабул [Сикоев Р.Р. 2004, с. 256].

В помощь американцам поспешили многие европейские страны, которые в добровольном порядке вошли в «антитеррористическую коалицию». В поддержку США Североатлантический блок впервые в своей истории ввел в действие Статью 5 Вашингтонского договора, а два года спустя альянс принял решение отправиться в Афганистан вслед за своим главным членом и партнером.

Уже к декабрю 2001 г. режим талибов был свергнут, многие тысячи боевиков были выдвинуты к границе с Пакистаном и осели в зоне пуштунских племен афгано-пакистанского приграничья.

Под зорким руководством американской администрации и при активном участии НАТО и Организации Объединенных Наций началось строительство «демократического» Афганистана. При этом ООН, как главная международная структура, безусловно, не могла оставаться в стороне от афганской проблемы. Под ее эгидой в начале декабря 2001 г. в Бонне состоялась первая историческая конференция по Афганистану, по итогам

которой страна получила временную администрацию во главе с Хамидом Карзаем.

Следующим решением по Афганистану стало создание Международных сил содействия безопасности (МССБ) в соответствии с резолюцией Совета Безопасности 1386 (от 20 декабря 2001 г.). Первый мандат МССБ был сроком на шесть месяцев. Затем он регулярно продлялся. Всего же по Афганистану ООН приняла 12 резолюций [Коргун В.Г. 2009, с. 320].

Стоит заметить, что мандат на пребывание в Афганистане имеют только Международные силы, но не НАТО. Ни одна резолюция Совета Безопасности, относящаяся к Афганистану, не предоставляет альянсу мандат ООН на проведение миссии в Афганистане. Добровольно и самостоятельно возложив на себя командование силами МССБ 11 августа 2003 г., НАТО в лице тогдашнего Генерального секретаря организации лорда Робертсона постфактум уведомила об этом Генерального секретаря ООН Кофи Анана письмом от 2 октября 2003 г. К письму прилагалась Долгосрочная стратегия НАТО в осуществлении ее роли в составе МССБ. При этом Генеральный секретарь НАТО любезно обещал, что будет держать Генерального секретаря ООН «в курсе дальнейших событий в ходе рассмотрения этого вопроса Североатлантическим советом»

Таким образом, проведение операции «Несокрушимая свобода» стало прецедентным явлением свержения властного режима в суверенном исламском государстве силами НАТО. В региональном контексте военные действия американцев в Афганистане создали очаг серьезной нестабильности на Среднем Востоке. Особенно негативно развивалась ситуация в Пакистане.

После 11 сентября 2001 г. администрации Буша с помощью щедрой финансовой помощи удалось убедить пакистанского президента Первеза Мушаррафа принять участие в «крестовом походе против терроризма», хотя ранее Белый дом не раз вводил санкции в отношении Исламабада [Крупнов Ю. 2009, с. 151].

Между тем участие Пакистана в афганских делах далеко не ограничивалось формальным вступлением в антитеррористическую коалицию, возглавляемую американцами. Пакистан уже давно и много вмешивался в дела Афганистана, территория которого представляет для Исламабада зону особых интересов. И в первую очередь это связано с проблемой афгано-пакистанского приграничья восточной части «линии Дюранда», которую Афганистан не признает с 1949 г.

По мнению А.И. Уткина, не секрет, что движение «Талибан» появилось при прямом участии пакистанских военных в 1994 г. Оно как военно-политический проект пришло на смену моджахедам, которых Пакистан и США активно поддерживали в войне против советской армии. Исламабад первым признал правительство талибов в 1996 г., а подразделения пакистанской армии участвовали в войне против «северян» в годы гражданской смуты в Афганистане после свержения коммунистического режима и вывода советских войск. В лице талибов Пакистан получал инструмент постоянного влияния на Афганистан, а также на афганских и пакистанских пуштунов, оказавшихся разделенными «линией Дюранда». Существовала даже идея создания федерации с ИРА, перехода ее под влияние Исламабада. Официальный Кабул неоднократно обвинял пакистанские власти и пакистанскую межведомственную разведку (ISI) в оказании поддержки боевикам в зоне афгано-пакистанского приграничья, в том числе звучали обвинения в причастности пакистанских спецслужб к организации громких покушений и терактов на территории самого Афганистана [Уткин А.И. 2003, с. 736].

Таким образом, успешные военные действия американцев против талибов на территории Афганистана в 2001-2002 гг. привели к тому, что значительная часть боевиков отступила с афганской территории в приграничные с Пакистаном районы, населенные пуштунскими племенами. Талибы создали там мощную террористическую инфраструктуру, в том числе базы подготовки смертников. Ситуация стала напоминать

сообщающиеся сосуды, в роли которых выступали эти две страны. Теперь источник афганской нестабильности переместился в пакистанскую зону ответственности афгано-пакистанского приграничья. Боевики «Аль-Каиды» и «Талибана» не только использовали территорию Пакистана для подготовки своих смертников, но сумели фактически создать в зоне пуштунских племен в провинциях Северный и Южный Вазиристан шириатское исламистское неподконтрольное Исламабаду государство Вазиристан [Сикоев Р.Р. 2003, с. 113-123], с территории которого они начали проводить активные боевые действия против самого центрального пакистанского правительства.

Задача восстановления Афганистана стала фигурировать среди целей международного сообщества в этой стране сразу же после свержения режима талибов и установления новой демократической афганской власти в лице президента Карзая и его администрации. Первые решения на этот счет были приняты в рамках Боннской конференции в декабре 2001 г.

Оказание новым афганским властям содействия в восстановлении социальной инфраструктуры страны и ее экономическом развитии стало заботой непосредственно трех структур: Миссии ООН в Афганистане, НАТО и Европейского союза. Нельзя сказать, что каждая из организаций отвечает за конкретную сферу, поскольку, например, Североатлантический альянс претендует на роль координирующей структуры, имеющей отношение ко всем вопросам. Однако за каждой так или иначе закрепляется приоритетное направление: НАТО занимается обеспечением жесткой безопасности, ЕС вкладывает в Афганистан большие финансовые средства, Миссия ООН реализует инфраструктурные и социально-экономические проекты.

2.2. Политика США в Афганистане после операции «Несокрушимая свобода»

В конце декабря 2014 года официально завершилась продолжавшаяся в Афганистане 13 лет натовская операция «Несокрушимая свобода» («НС»), в

которой участвовали военнослужащие порядка 50-ти стран во главе с США. На смену ей была запущена новая миссия НАТО под названием «Решительная поддержка» [Штоль В.В. 2006, с. 342].

30 сентября 2014 года Вашингтон и Кабул подписали двустороннее «Соглашение о сотрудничестве в области обороны и безопасности». В нем обозначены 9 баз на территории Афганистана, которые могут быть использованы ВС США. Согласно этому Соглашению американские военные могут находиться в Афганистане до 2024 года [Lynne O'Donnell, 2005, p. 37]. Таким образом, практически и документально еще на 10 лет было обеспечено американское военное присутствие на Среднем Востоке.

Боевые действия в ходе данной миссии продолжались 4831 день. На конец 2014 года в Афганистане отслужили, а значит, приобрели боевой опыт 823136 человек. Американские потери составили 2216 человек, были ранены 19950 американцев. Пик натовского пребывания в Афганистане пришелся на 2010-й год, когда там находилось 140 000 иностранных военнослужащих, 100 000 из которых составлял американский контингент. Пребывание данного контингента в ИРА обошлось военному бюджету США в 686 млрд. долларов [Loyd A. 2007, p. 45]. Для Барака Обамы церемония завершения миссии в Афганистане послужила еще одним поводом для саморекламы. Он, в частности, заявил, что на тот момент, когда он вступил в обязанность, в Афганистане и Иране пребывало примерно 180 тысяч американских военных, но сейчас их менее 15 тысяч.

В вопросе о функциях, которые станут выполнять натовцы в Афганистане в 2015 году и далее остается достаточно неясностей, в основной массе создаваемых искусственно. США и НАТО заявили об окончании военной миссии НАТО и о том, что операция «Решительная поддержка» будет нацелена на подготовку афганских военных и выполнение советнических функций. Однако Барак Обама подписал указ, разрешающий боевые операции американскому контингенту, в том случае, если его части «будут находиться в опасности». Натовцы заявили о том, что окажут

воздушное содействие афганским силовикам. Силы спецназа США собираются проводить операции против боевиков Аль-Каиды и т.п. Таким образом, обе миссии будут мало чем отличаться друг от друга.

Достаточно вопросов вызывают численность и срок присутствия американских военных в Афганистане. Согласно намеренному плану вывода войск из ИРА, в 2015 году в стране должны остаться около 10 тысяч американских военных, но их численность в течение года сократится в два раза. Остальные натовцы оставляют в стране по 5 тысяч военных. Предполагается, что к концу 2016 года американское военное присутствие в Афганистане сохранится только в формате особой группы при посольстве США. Тогда никак не понятно, кто станет обслуживать упомянутые военные базы. Сегодняшний президент Афганистана Ашраф Гани в интервью телеканалу Си-би-эс в начале января 2015 года объявил, что сроки вывода иностранных войск с афганской территории необходимо держать в уме. При этом он подчеркнул, что между ним и Б. Обамой есть абсолютное понимание. Не считая того, что наличие «Соглашения о сотрудничестве в области обороны и безопасности» позволяет Вашингтону в случае необходимости развернуть в Афганистане без согласования с правительством страны любой военный контингент.

В упомянутом плане вывода войск вообще ничего не говорится об использовании в Афганистане после 2014 года частных военных компаний, численность персонала которых, значительно превышает численность военнослужащих. Обширное использование ЧВК в Афганистане позволяет Белому дому решить сразу несколько задач. Во-первых, скрыть настоящие масштабы американского военного присутствия в данной стране. Во-вторых, уменьшить степень недовольства американцев, вызванного потерями в Афганистане, так как человеческие потери, понесенные персоналом ЧВК, по собственной воле, выбравших военную стезю, воспринимаются ими менее остро, чем утраты среди военных, которые служат. В-третьих, скрыть реальные затраты на войну, так как данный их сегмент не проходит по

бюджету Пентагона. В-четвертых, обеспечить более высокий уровень исполнения поставленных задач, так как добровольцы из ЧВК, прошедшие большое количество «горячих точек» лучше подготовлены и имеют более значительный опыт, чем военные срочной службы.

Если сравнивать ситуацию в Афганистане на начало и конец операции «Несокрушимая свобода», то следовательно очевидно, что коалиции и афганским силовым структурам получилось перевести под контроль правительства в Кабуле все провинциальные и большую часть уездных центров страны. Что же касается реального контроля правительства над территорией страны, то достоверных данных на этот счет нет. Движение талибов (ДТ) не только не сломлено, но и усиливает собственные военные и террористические акции.

Перенос основной тяжести боевых действий на плечи афганских силовиков привел к тому, что только за последние два года они потеряли более 9 тысяч человек, что более чем в 4 раза превышает утраты международной коалиции за все 13 лет этой операции. Последний год миссии ознаменовался и самым большим за последние 5 лет числом жертв среди мирного афганского населения: около 10 тысяч, из них 3188 убиты и 6429 – ранены [Ганковский Ю.В. 1995, с. 31-33].

Проблемой евразийского масштаба, преднамеренно изготовленной американцами в ходе операции «Несокрушимая свобода», является производство наркотиков в Афганистане, возросшее с момента ее начала в десятки раз. В 2013 году размеры культивации опийного мака в ИРА достигли рекордного уровня (209 тыс. га), что превысило рекорд 2007 года – 193 тыс.га. Производство опийного мака в 2013 году приравнялось к 5500 т. В 2014 году наркопроизводство в стране продолжало расти [Снесарев А.Е. 2002, с. 272].

Внутриполитическая ситуация в Афганистане после завершения операции «НС» остается совсем неустойчивой. В стране нет правительства, хотя президентские выборы начались еще в апреле 2014 года. Недавно был

опубликован список претендентов на министерские посты, однако между сторонниками пуштуна Ашраф Гани и представителя населенного нацменьшинствами Севера страны А. Абдуллы, занимающего второй по значению пост в стране, продолжается жесткая борьба за каждое министерское кресло.

Западные СМИ увязывали задержку с формированием правительства ИРА и с попытками А. Гани предложить несколько министерских постов видным деятелям вооруженной оппозиции. Среди них был бывший мининдел ДТ В. Мотаваккиль, бывший посол талибов в Пакистане мулла Заиф и зять лидера Исламской партии Афганистана Г. Хекматиара Гайрат Бахир. Один из депутатов афганского парламента уже начал сбор голосов за привлечение А. Гани к суду по обвинению в «предательстве национальных интересов». Предлогом явились попытки его вести переговоры с частью талибов и лидерами пакистанской партии «Джамиат-е Улама-е Пакистан», издавшими фетву о законности «джихада» на территории Афганистан [Косов Ю.В. 2012, с. 125]. Все это вызывает серьезные сомнения в прочности, оставляемой американцами после «Несокрушимой свободы» политической архитектуры ИРА.

В последний год проведения данной операции заметно усугубилась и экономическая ситуация в стране. В 2014 году прибыльная часть афганского бюджета сократилась на 8% по сравнению с предыдущим. Она составила 109 млрд. афгани (чуть более 2 млрд. долларов) вместо запланированных 132 млрд. Афганские власти объясняют это угрозами безопасности страны и затянувшимися президентскими выборами. Другой серьезной проблемой считается высочайший процент контрабандных товаров в торговле ИРА [Ланцова С.А., Ачкасова В.А. 2008, с. 136.]. Если к этому прибавить то, что Афганистан вступает в эпоху, когда международная финансовая помощь стране значительно сократится, то нетрудно допустить, что в 2015 году афганская экономика получит еще более наркозависимый характер.

У соседей Афганистана серьезное беспокойство вызывает активизация экстремистских группировок по периметру его границ. За последние два года, существенно укрепились позиции ДТ в пограничных с центрально-азиатскими государствами провинциях ИРА. Это, в частности, относится к приграничным с Туркменистаном районам афганских провинций Фарьяб и Джаузджан. Во второй половине 2014-го боевики очевидно активизировались в Балхе, единственной непосредственно граничащей с Узбекистаном провинции Афганистана. Одновременно из-за тактических изменений обстановки на севере выросла вероятность локальных атак террористов против целей в Таджикистане с территории афганских провинций Бадахшан и Кундуз [Никитин А. И. 2009, с. 47].

Сравнительно новым для Афганистана явлением стала активность в некоторых провинциях страны боевиков Исламского государства, причем, несмотря на недавние заявления ДТ и ИГ о взаимном уважении и помощи, отмечаются столкновения между их боевиками. Сообщения об этом приходят, например, из южной провинции Гильменд. Есть информация и о появлении баз ИГ в Кундузе. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что США приложили руку к созданию группировки Исламского государства и подготовке ее боевиков. В информации об этом нет недостатка в западных СМИ. Известно также, что в свое время они создавали Движение талибов [Ганковский Ю.В. 1995, с. 31-33], с которыми безуспешно сражаются в Афганистане, также как и с ИГ – в Ираке и Сирии. Причем в обоих случаях от этих группировок страдает население Ирака, Сирии и Афганистана несравнимо больше, чем сами США, расположенные на другом континенте.

Что касается Афганистана, то в данный момент и на перспективу Вашингтону не выгодно ни полное обрушение ситуации, ни устойчивость в этой стране. Движение талибов, хотя и противопоставляет себя иностранной оккупации, однако никак не утратило связей с американскими и другими натовскими «оккупантами». Это обстоятельство позволяет предположить

сохранение ситуации «регулируемой нестабильности» в Афганистане, если, конечно, нарастающая в Евразии волна радикального исламизма и экстремизма никак не внесет в этот процесс собственные коррективы.

А вот президент США Барак Обама заявил, что, несмотря на «огромные проблемы», войскам удалось добиться немалых успехов в Афганистане. «Несмотря на огромные проблемы, которые остаются в Афганистане, мы выбили талибов из ключевых опорных пунктов. Афганские силы безопасности становятся все сильнее, а афганский народ получил шанс самому определять собственное будущее», – приводит слова президента USA Today.

Вспомнил Обама и о ликвидации главы «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена. «Террорист № 1» был уничтожен в ходе спецоперации 2 мая 2011 года. Американские спецназовцы высадилась с вертолетов в пакистанском городе Абботтабаде и штурмом взяли дом, где последние пять лет скрывался лидер «Аль-Каиды». Тот факт, что террорист столько времени жил на территории Пакистана, стал причиной конфликта между Вашингтоном и Исламабадом. Поэтому не стоит удивляться тому, что критика в адрес Пакистана звучала и сегодня.

«Нет сомнений в том, что пакистанские военные и разведывательные службы установили связи с определенными лицами, которые вызывают у нас беспокойство», – заявил Обама.

Речь идет о контактах между Пакистаном и группировкой «Хаккани», которая поддерживает талибов и совершает нападения на афганскую армию и контролируемые НАТО Международные силы содействия безопасности в Афганистане [Сергеев В. 2008, с. 129].

В свою очередь, президент Афганистана Хамид Карзай 7 октября признал, что национальная армия и войска ISAF не в состоянии обеспечить безопасность простых граждан страны. «Мы очень плохо справляемся с обеспечением безопасности афганского народа. Это – большой недостаток

нашего правительства и наших международных партнеров», – приводит слова Карзая агентство Reuters.

Однако красноречивее любых политиков и военных об итогах 10-летней операции в Афганистане говорят цифры. Жертвами войны за эти годы стали более 2500 солдат НАТО, большую часть погибших (60%) составляют военнослужащие армии США. Число же погибших мирных жителей, по разным оценкам, колеблется от 14 000 до 34 000 человек. При этом за первую половину 2011 года погибли 1462 мирных афганца, что на 15% больше аналогичного показателя первого полугодия 2010 года. Весьма красноречив и тот факт, что первые шесть месяцев 2011 года стали самыми кровопролитными с 2001 года.

Есть и другой печальный итог войны в Афганистане, о котором редко вспоминают американские политики, военные НАТО и афганские власти: оккупация Афганистана привела к астрономическому увеличению производства наркотиков. В 2000-2001 гг. афганским талибам совместно с ООН удалось сократить производство опиума-сырца на 94% – до 185 тонн. Однако уже в 2002 году в Афганистане производилось 1900-2700 тонн опиума-сырца, а в 2003-м – более 7000 тонн. Всего же с момента начала операции «Несокрушимая свобода» производство опиума-сырца в Афганистане выросло в 40 раз.

Американцы, возможно, вначале не планировали лишить талибов власти. Другими словами, низвержение правительства талибов не входило в число первоочередных задач США в Афганистане. Еще перед началом антитеррористической операции, президент Дж. Буш на встрече с конгрессменами заявлял: «Лишение движения «Талибан» власти в Афганистане не является неотложной целью войны против терроризма» . После встречи лидер демократического меньшинства в Конгрессе Ричард Гепхард отметил: «... цель войны ясна. Я не думаю, что кто-то хочет свержения власти талибов. Но покровительство талибам Усамы бен Ладена

вынуждает нас думать о вероятности изменения нашего подхода к этому движению» .

Поэтому командующий американскими войсками в Афганистане Том Фрэнк игнорировал просьбу руководства «Северного альянса» об оказании помощи в бомбардировке позиций талибов под Таликаном и на севере Кабула. По мнению ряда аналитиков, это делалось по просьбе Пакистана. Интересно то, что американское командование использовало вооруженные подразделения «Северного альянса» для свержения талибов, но будущую судьбу Афганистана и пути изменения политического строя страны обсуждали с Пакистаном, со страной, постоянно поддерживающей талибов, тысяча солдат которой сражались вместе с талибами и международными террористами против правительства Раббани и американских войск.

Главная причина недоверия США к «Северному альянсу», состоящему в основном из непуштунских течений, заключалась в том, что американцы опасались того, что усиление позиций не пуштунов, и что доминирование «Северного альянса» во власти будет способствовать укреплению позиций Ирана в Афганистане.

Кроме того, определяющую роль на выборе позиций США сыграло геополитическое соперничество в регионе. В годы афганского сопротивления сформировались два неофициальных международных объединения. В одну входили Россия, Индия, Иран и Таджикистан, а в другую США, их союзники и Пакистан.

Пакистан еще в годы противостояния с СССР сделал ставку на моджахедов и стал стратегическим партнером США. В регионе, населенном преимущественно не пуштунами, Объединенный фронт имел поддержку России, Индии и Ирана. Лидер Объединенного фронта А. Масуд вынужден был просить помощи у других стран, поскольку положение его союзников было неустойчивым. Несмотря на то, что из-за тесных контактов с Ираном, Раббани и Масуд столкнулись с яростным сопротивлением США и стран

Запада, у Ирана не было последовательной политики по поддержке правительства Раббани.

В период пребывания Раббани на посту президента Афганистана политика Ирана в отношении Кабула основывалась на принципах религиозной солидарности. В основном помощь Ирана ограничивалась сотрудничеством с шиитской партией «Вахдат». В условиях, когда против правительства Раббани выступили единым фронтом Г. Хекматьяр и Пакистан, Иран фактически находился в положении стороннего наблюдателя. В годы противостояния с талибами особенно после их нападения на консульство ИРИ в г. Мазари Шерифе политика Ирана была ограничена сосредоточением огромной армии на границе с Афганистаном и проведением многочисленных военных учений [Joseph Button. 2004, p. 143].

В последующем происходил процесс смягчения политики Ирана по отношению к талибам и стало известно, что Иран ведет политику двойных стандартов. Такая позиция Ирана была результатом оказания влияния некоторых политических и религиозных кругов, действующих по принципу «враг моего врага - мой друг», на высшее руководство этой страны.

Посильную помощь Масуду в борьбе против талибов оказывали союзники правительства Раббани. Индия оказывала помощь, исходя из своих интересов в Афганистане и исторических противоречий с Пакистаном. Россия продавала оружие Масуду из-за опасения распространения влияния исламских фундаменталистов на Центральную Азию - зону его стратегических интересов, и установления дружественных отношений между талибами и чеченскими сепаратистами. Одновременно российские дипломатические круги вели переговоры с Пакистаном и существовала большая вероятность в случае возникновения необходимых условий, признания режима талибов. С другой стороны в России прекрасно понимали, что за спиной талибов стояли США и своей помощью Масуду не хотела портить отношения с американцами.

Туркменистан поддерживал неофициальные тесные связи с талибами. Узбекистан также был готов сесть за стол переговоров с талибами. Единственной страной последовательно поддерживающей Раббани и Масуда был Таджикистан, но эта поддержка ограничивалась в основном представлением своей территории для тылового обеспечения войск Масуда. Масуд понимал сложность ситуации и понимал, что получаемая помощь незначительна по сравнению с получаемой помощи талибов от Пакистана, Саудовской Аравии и других стран, и, что без помощи и поддержки США невозможно одержать победу над талибами.

США в течение последних 50 лет постоянно защищали интересы Пакистана - своего стратегического партнера. Поэтому США стремились не допустить перехода столицы под контроль сторонников Масуда и переезда правительства Раббани в Кабул [Малышева Д. 2012, с. 40].

Однако после смерти полевого командира Абдулхака в Логаре США больше не могли надеяться на возможность внесения изменений в структуре руководства и сохранения движения «Талибан» у власти, тогда они сделали ставку на свержение власти талибов.

Между тем талибы отказались от тактики оказания сопротивления. Их действия были направлены на сохранение своих сил для дальнейшего сопротивления. После перехода Мазари Шерифа под контроль сил «Северного альянса» 9 ноября талибы постепенно оставили все города северного Афганистана. Под непрерывными воздушными бомбардировками сил НАТО и наступлений «Северного альянса» десятки тысяч талибов, пакистанцев и арабов со всего севера Афганистана были сосредоточены в Кундузе. Президент Пакистана П. Мушараф в телефонном разговоре с премьер-министром Великобритании и госсекретарем США К. Пауэллом просил не допустить массовой гибели иностранцев в Кундузе. По утверждению афганского исследователя М.И. Андешманда в течение нескольких ночей военно-транспортные самолеты перебрасывали

пакистанских солдат и офицеров, сотрудников Межведомственной разведки в Пакистан .

12 ноября, несмотря на указания командования коалиции и руководства Пакистана, войска «Северного альянса» по приказу М. Фахима вошли в Кабул, вызвав сильное недовольство первых. Только после предупреждения Фахима об угрозе перехода столицы под контроль талибов, американцы отказались от требования о выводе войск северян из Кабула.

Главный опорный пункт талибов – г. Кабул пал 7 декабря 2001 и более 3 тысяч американских солдат были десантированы в Кандагарском аэропорту, превратившегося в крупную военную базу США в Афганистане.

Таким образом, в течение 2 месяцев режим талибов был свергнут. Остатки талибов и международных террористов сумели сохранить свои лагеря и действовали в различных уголках страны. Командование США и НАТО еще два года в поисках бен Ладена вели военные операции в различных районах Афганистана, самой крупной из которых была операция в горном массиве Тора Бора, на востоке страны.

Талибы и террористы бен Ладена, создавшие в Тора Боре укрепленный район, оказали сильное сопротивление и американцы были вынуждены просить помощи у «Северного альянса». На помощь были направлены отряды северян из Кунара и Лагмана, а также отряды Фахима из Кабула, которым удалось выбить талибов. Высшее руководство во главе с бен Ладеном отступили в Пакистан. Таким образом, американцам не удалось поймать или уничтожить бен Ладена, ради которого была затеяна вся военная компания в Афганистане.

Нужно признать, что в течение продолжавшейся два года «активной фазы» объявленной войны против международного терроризма были достигнуты некоторые успехи. По данным американских источников, за это время в ходе воздушных налетов, были убиты или взяты в плен две трети руководства и активистов «Аль-каиды», в том числе в Кандагаре был убит

военный представитель организации Абухафз и в Хосте советник бен Ладена Абдумухаммад Мисри.

Во многих странах мира были заблокированы более 1400 банковских счетов, в которых хранились 200 млн. долларов США, принадлежавших 300 организациям, сотрудничавшим с террористами.

Бесспорно, террористические акты 11 сентября в США и начавшаяся антитеррористическая компания в Афганистане, оказали огромное влияние на международную обстановку. Многие исследователи разделяют мир до 11 сентября и после 11 сентября, что свидетельствует о глобальном характере этих событий [Kaushin D. 1988, p. 99.].

2.3. Афганистан во внешней политике США на современном этапе: ситуационный анализ

Коалиционные силы (КС) и Международные силы содействия безопасности МССБ, несмотря на все возроставшую численность, не смогли эффективно противостоять вооруженной оппозиции, распространившее к 2008 году свое влияние на большую часть афганских провинций. Бесчинства иностранных, прежде всего американских военных, особенно во время обысков и облав, их глумление над мусульманскими святынями и пророком Мухаммедом, значительно укрепляли антизападные настроения населения, не только пуштунов, но и других этносов, составляющих порядка 40-45% жителей страны. Бурю возмущения вызывали и вызывают ракетно-бомбовые удары по населенным пунктам, в результате которых гибли и гибнут старики, женщины и дети. Все это накладывалось на ухудшавшееся положение населения, более половины которого, не находя работы, проживало за чертой бедности. За годы войны были выведены из строя промышленные предприятия, ремесленные мастерские, разрушены ирригационные системы и иные каналы водоснабжения, заброшены сотни тысяч гектаров пахотных земель, погибал скот. Население, чтобы хоть как-

то выжить было вынуждено расширять посевы наркосодержащих культур, неприхотливых к погодным условиям и не требующих влаги, их производство и контрабанда, даже по признанию американцев «взлетело до небес» за годы пребывания иностранных войск [Джульетто Кьеза 2003, с. 208].

Средства, выделявшиеся странами-донорами (только к весне 2005 года их сумма превысила 4 млрд. долл.) в основном тратились на содержание заполнивших страну иностранных экспертов и советников, а часть просто разворовывалась или оседала в карманах коррумпированных чиновников. Несмотря на принятие в 2006 году на международной конференции в Лондоне стратегии мирного обустройства Афганистана, иностранные доноры стали ежегодно урезать заявки афганского правительства и отдельных министерств на развитие (отраслевых проектов, на последующих конференциях по Афганистану-в Кабуле, Риме, Токио, Москве и Париже, где принимались решения о предоставлении помощи Афганистану, ситуация не улучшалась.

Государства ШОС, серьезно озабоченные развитием ситуации в соседней стране, ростом вызовов и угроз, исходящих с ее территории-терроризма, экстремизма и наркотрафика, сочли необходимым созвать под эгидой Организации широкопредставительную международную конференцию для определения путей решения афганской проблемы в комплексе.

Открытие конференции состоялось 27 марта 2009 года в Москве. В ее работе участвовали министры и высокопоставленные представители государств-членов ШОС (кроме Узбекистана), президент Афганистана Х. Карзай, представители государств-наблюдателей при ШОС (Индии, Ирана, Монголии и Пакистана), стран «Большой восьмерки», Нидерландов, Турции, Туркмении, а так же Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, руководители ряда крупнейших международных организаций-ОБСЕ, ЕС, НАТО, ОДКБ, ОИК, СВМДА и других, всего 36 делегаций. В принятой на конференции

Декларации, а также в подписанных представителями государств-членов ШОС и президентом Афганистана Х. Карзаем Заявлении и Плана действий по борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью содержались согласованные оценки вызовов и угроз, исходящих с афганской территории, и назван ряд практических шагов с использованием потенциала ШОС. В этих документах особо подчеркивалась необходимость налаживания регулярного диалога между ШОС, заинтересованными государствами и международными организациями.

Значимым итогом конференции стало признание важности регионального фактора в нейтрализации угроз и вызовов, исходящих с афганской территории. При этом подчеркнуто, что ШОС является одним из подходящих форумов для ведения с участием партнеров широкого диалога по афганской проблеме в контексте совместных усилий мирового сообщества и Афганистана со своими соседями в интересах противодействия терроризму, незаконному обороту наркотиков и организованной преступности [Никитин А. И. 2009, с. 47].

Несомненным достижением работы Конференции стал и тот факт, что за одним столом удалось собрать представителей государств, порой являющихся политическими оппонентами, в том числе и по афганской проблеме (США-Иран, Индия-Пакистан, НАТО-ОДКБ).

Вывод войск - один из векторов афганской политики США и Запада-не сможет стабилизировать обстановку в Афганистане и вокруг него. Конфликтный потенциал питает (как питал и ранее), не только исключительно внешний фактор-присутствие иностранных войск и вмешательство иноземцев во внутреннюю жизнь афганцев, а целый комплекс глубинных внутривнутриполитических (в том числе этно-религиозных) и социально-экономических проблем. Только учет их взаимосвязи и взаимозависимости способен определить оптимальные подходы к афганским делам в целом.

Анализ сложившейся ситуации со всех очевидностью позволяет полагать, что вывод войск США/НАТО приведет к активизации вооруженной оппозиции, этнических лидеров и полевых командиров, нежелающих подчиняться центру. Обстановку к 2014 году едва ли смогут нормализовать Национальная армия Афганистана и полиция даже в случае их поддержки американскими войсками контингентами, которые США намерены оставить в стране после вывода основной части МССБ (Как заявил Б. Обама на саммите НАТО в мае 2012 года, к сентябрю 2014 года в Афганистане будут дислоцированы 68 тыс. военнослужащих США, которые только «в случае необходимости» будут участвовать в военных действиях). Учитывая афганские реалии, есть определенные основания сомневаться и в том, что ежегодные вливания США/НАТО (4, 1 млрд. долл.) на содержание и поддержку афганской армии, станут полностью использоваться по назначению. По всей видимости, вооруженное противостояние в стране сохранится, особенно на юго-востоке и юге.

В привлечении стран региона к афганским делам проявили и проявляют явную заинтересованность явную заинтересованность Афганистан и другие страны, о чем можно судить по высказываниям кабульских властей, не исключая президента Х. Карзая, а также по выдвигавшимся в последние годы политическим и экономическим инициативам регионального масштаба. Что касается Вашингтона, то участие соседних стран в решении афганской проблемы в определенных пределах им не отвергается.

Общим интересам государств-членов ШОС, серьезно озабоченных исходящими с афганской территории вызовами и угрозами этно-религиозного экстремизма, сепаратизма, терроризма, все возрастающего распространения наркотиков и связанной с этим трансграничной организованной преступностью, отвечает признание за ними более значимой роли в решении афганской проблемы. За десять лет своего существования, Шанхайская организация сотрудничества утвердилась как авторитетное

сообщество и весомый фактор не только региональной, но и мировой политики. Государствами-наблюдателями при ШОС стали Пакистан, Индия, Иран, Монголия, партнерами по диалогу Шри-Ланка и Белоруссия, документы о сотрудничестве с ШОС подписали ряд международных организаций и форумов, среди них Декларация о сотрудничестве между Секретариатами ООН и ШОС, Соглашения о взаимодействии с АСЕАН, ЭСКАТО, ОДКБ, ЕврАзЭС, СНГ и др. Ныне заинтересованность во вступлении в ШОС (объявляет Украина). Проявляется возможность тесно координировать действия с партнерскими объединениями, поддерживать созвучные подходам ШОС международные инициативы других «игроков»-БРИКС, ОДКБ, СНГ, ЕврАзЭС, АСЕАН, РИК, а также ближневосточных, латиноамериканских, африканских многосторонних объединений. Внимание к наработкам ШОС в области борьбы с терроризмом, пресечению наркотрафика, противодействию трансграничной оргпреступности, профилактике экстремизма проявляют страны АТР. Так, Региональная антитеррористическая структура ШОС налаживает рабочие контакты с профильными ведомствами Индии, Пакистана, Шри-Ланки, Индонезии [Богатуров А.Д. 2009, с. 45].

Однако, вызовы и угрозы не только на региональном, но и на мировом уровне требуют серьезнейшего глубокого и продуманного подхода и конкретных совместных действий. Речь идет не только о безопасности государств-членов ШОС, но и о проблемах мира в целом. Это несомненно касается афганских наркотиков связанных с этим организованной преступностью и терроризмом.

На саммите 2011 года ШОС была принята Антанаркотическая стратегия. В рамках этой стратегии в 2011 году по инициативе РФ, Россия, КНР и Казахстан осуществили оперативно-профилактическую операцию, в результате которой было выявлено более четырехсот наркопреступлений.

В целях активизации сотрудничества в борьбе с наркоугрозой Секретариат ШОС расширил контакты с Международным комитетом по

контролю за наркотиками и Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП).

На саммите ШОС в Пекине в июне 2012 года было принято решение создать в рамках Организации универсальный центр по противодействию терроризму, наркотрафику и организованной преступности, сформировав при РАТС специальное подразделение по координации борьбы с производством и распространением наркотиков. Весьма примечательно, что предложение членов ОДКБ использовать опыт Организации по перехвату наркотрафика и обслуживающих его финансовых потоков, наладив взаимодействие с МССБ, не встретило ожидаемой реакции со стороны США/НАТО. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров в выступлении 14 июня 2012 года на международной конференции в Кабуле, обоснованно отметил, что подобная позиция Вашингтона и его союзников, снижает эффективность усилий по достижению поставленных ООН целей на этом жизненно важном для мирового сообщества направлении.

Важнейшей составляющей содействия развитию мирного процесса в Афганистане несомненно является форсированное технико-экономическое сотрудничество стран ШОС с Кабулом, оказание финансовой и иной материальной помощи на двусторонней основе и на региональном уровне [Рогов С.М. 2008, с. 102].

Государства-члены, а также наблюдатели ШОС уделяют данной стороне сотрудничества с Афганистаном серьезное внимание, что подробно рассматривается известными отечественными исследователями.

Большое значение имеет также российская поддержка усилий афганских властей по стабилизации ситуации в стране. Нынешняя американская администрация дает высокую оценку поставкам российских вооружений и боевой техники для афганских вооруженных сил и полиции. Как было отмечено в Совместном заявлении президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки по Афганистану от 24 июня 2010 года, «Россия и Соединенные Штаты работают над возможностью

оказания содействия афганским силам безопасности поставками вертолетной техники и запасных частей российского производства». Пентагон уже потратил 648 млн. долл. на закупку и ремонт 31 вертолета советского и российского производства класса Ми-17 для афганских сил безопасности. В следующем году предполагается приобрести еще 10 таких машин. Поскольку, как уже было сказано, серьезную озабоченность Москвы вызывает именно афганский наркотрафик, в последние годы российская сторона активно участвует в подготовке афганских наркополицейских [Сергеев В. 2008, с. 60].

Российская помощь Афганистану не исчерпывается, однако, лишь укреплением силовых структур этой страны. Россия полностью списала афганский долг в объеме 12 млрд. долл. и, кроме того, продолжает оказывать гуманитарную помощь ИРА. В ходе встречи российского, афганского, пакистанского и таджикского президентов в Сочи в августе 2010 года в практическом ключе обсуждались различные совместные экономические проекты, в том числе российское участие в реконструкции 140 объектов, возведенных в Афганистане при советском техническом содействии, а также возможность транзита произведенной в Таджикистане электроэнергии через Афганистан в Пакистан.

В настоящее время по афганской проблеме у Москвы и Вашингтона нет серьезных стратегических разногласий: различия в подходах касаются лишь тактических вопросов (например, каким образом вести борьбу с афганской наркоугрозой или интегрировать «умеренных» талибов в афганское общество). В то же время две державы продолжают конкурировать между собой в обширном регионе Большого Ближнего и Среднего Востока, а также Центральной Азии.

В начале марта 2012 года состоялось заседание Российско-афганской межправительственной комиссии по технико-экономическому сотрудничеству и торговле, которая неуклонно развивается. В 2011 году прирост товарооборота по сравнению с 2004 годом увеличился более, чем в

12 раз. В структуре российского экспорта заметное место занимают топливно-энергетические товары (72, 3%), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (10, 6%), различные виды оборудования, транспортные средства, металлы и изделия из них [Мальшева Д. 2012, с. 189].

При рассмотрении афганской проблемы в контексте ее решения на региональном уровне перед ШОС стоит и такая серьезнейшая проблема, как необходимость определения согласованной линии об ее расширении.

Сторонниками расширения выдвигались весомые контраргументы: расширение повысит политический вес и увеличит практические возможности Организации. Вступление Индии сразу превратит ШОС в мощную глобальную структуру с огромным потенциалом. Привнесению же в ШОС индопакистанских противоречий будут препятствовать обязательства Дели и Исламабада, которые они должны взять на себя при вступлении в Организацию. Таким образом, принятие в ШОС, Индии и Пакистана, напротив, может в определенной мере нормализовать отношения между ними и способствовать в рамках Организации.

В конечном счете, эксперты пришли к выводу о том, что расширение ШОС в ближайшей перспективе не только укрепит потенциал Организации и повысит ее международный авторитет, но и будет способствовать эффективному противостоянию угрозам безопасности региона, а коллективные усилия, несомненно, увеличат возможности реализации национальных и транснациональных экономических программ прежде всего в области транспорта, электроэнергетики, а также строительства газопровода с участием Туркменистана, Афганистана, Пакистана и Индии и ряда других крупных проектов. При этом, естественно, Организация намерена сотрудничать лишь по тем направлениям, которые соответствуют ее политическим и экономическим интересам. Взяв курс на активизацию сотрудничества с Афганистаном в контексте решения афганской проблемы, государства-члены ШОС не однажды на разных уровнях высказывали свою позицию в отношении пребывания в стране иностранных воинских

контингентов и условиях их вывода. На международной конференции в Бонне в начале декабря 2011 года глава российского внешнеполитического ведомства С. В. Лавров еще раз подтвердив мнение РФ в отношении этой проблемы, подчеркнул, что МССБ должны покинуть Афганистан лишь после соответствующего решения Совета Безопасности ООН, но мандату которого был осуществлен их ввод. Подмена же МССБ иными формами иностранного присутствия в Афганистане и соседних странах контрпродуктивна. Солидарность с С. В. Лавровым выразили министр иностранных дел КНР Ян Цзечи и руководители делегаций некоторых других стран. Серьезную озабоченность по этому вопросу высказали государства-члены ОДКБ: на юбилейном саммите этой Организации (декабрь 2011 г.) ими была достигнута договоренность о том, что размещение военных баз на территориях их государств возможна только при согласии всех ее членов [Заемский В. Ф. 2006, с. 148-155].

Что же касается Китая, не являющегося членом ОДКБ, то позиция Пекина по этому вопросу не вызывает сомнений.

Отдавая себе отчет в сложившейся в целом ситуации, КНР достаточно активно развивает двусторонние отношения с Афганистаном: в 2006 году был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве, затем соглашения о льготном налогообложении при импорте некоторых афганских товаров и сотрудничестве в сфере сельского хозяйства. При китайском содействии стали строиться автодороги, школы, больницы, создавалась цифровая телефонная сеть в Кабуле, в соответствии с соглашениями 2006-2010 гг. Китай выделил более 150 млн. долл. на развитие энергетики и водоснабжения, списал афганские долги порядка 20 млн. долл. В КНР готовятся граждане и военные афганские кадры, в кабульском университете открыт Институт Конфуция. В стране работают мелкие и относительно небольшие китайские компании. Важнейшим крупным проектом Китая в Афганистане, имеющим, как видится, не только исключительно экономическое значение, стала «Айнак»-получения в 2007 году «Китайской

металлургической группой» права на разработку обнаруженного специалистами нашей страны крупнейшего в мире меднорудного месторождения в провинции Логар, где планируется, создав порядка 100 тыс. рабочих мест и жилищно-бытовую инфраструктуру, построить железнодорожную ветку для вывоза руды на «китайский Запад»-в беспокойную область проживания мусульман-уйгуров-СУАР. По имеющимся данным китайские инвесторы намерены вложить в реализацию проекта «Айнак» 100 млрд. долл.

Кабул неизменно подчеркивает важную конструктивную роль Пекина в афганских делах и его щедрую помощь в мирном восстановлении страны. В выступлении Х. Карзая на пекинском саммите в июне 2012 года прозвучала заинтересованность в получении силами безопасности Афганистана поддержки от ШОС и соседних стран после вывода МССБ в 2014 году [Мендкович Н. 2014, с. 190].

И еще один серьезнейший вопрос, решение которого обходить ни в коей мере не следует в условиях, когда «информационные границы» ныне открыты во многом более, чем ранее. «Информационной обороны» (если она поставлена на серьезном уровне), сейчас явно недостаточно. Как и каким образом строить работу в данном направлении необходимо тщательно продумать. Как представляется, не случайно на 17-ом съезде КПК на повестке дня был поставлен вопрос о собственной «культурной безопасности».

Реализация серьезнейших сложных задач, включая и афганскую проблему, требует широкой разноплановой, подчас поистине ювелирной работы, поиска новых подходов и путей взаимоприемлемых решений для достижения поставленных целей в условиях динамично меняющихся реалий. «На кону» региональные и глобальные интересы входящих в ШОС стран, их политическая стабильность, экономическое благополучие и, наконец, образ Евразии в обозримой перспективе.

Нами был составлен *ситуационный анализ*, представленный ниже.

Целью данного анализа является проанализировать стратегию внешней политики США в Афганистанском конфликте.

Факторы, повлиявшие на политику США в Афганистане

1. В связи с распадом СССР и становлением новой системы международных отношений США становятся новой сверхдержавой.
2. Доктрина Дж. Буша младшего, которая подразумевает защиту США от стран, которые имеют связи с террористическими группировками.
3. Террористическая атака 11 сентября 2001 г.

Проанализируем *современное состояние* политики США в Афганистане

- Двустороннее соглашение о сотрудничестве Вашингтона и Кабула в области обороны и безопасности, которое подразумевает под собой сохранение 15-ти тысячного военного контингента США на территории Афганистана. Это соглашение оставило за собой контроль над девятью стратегически расположенных в различных частях Афганистана. В частности речь идет о базах: Баграм (к северу от столицы), Шинданд (западная граница с Ираном), Джелалабад и Гардез (восточная граница с Пакистаном). Анализируя расположение этих баз мы приходим к выводу, что американское руководство не намерено уходить с Афганистана. В последствии присутствия войск США на границе с соседними государствами в дальнейшем может привести к изменению расстановки сил на Ближнем Востоке.

- С приходом к власти Барака Обамы его целью был вывод войск из Афганистана. Главной целью войны в Афганистане была борьба режимом Талибов, которые прикрывали членов террористической организации Аль-Каиды. На конец операции в 2014 году было заметно, что 14-летняя война против Талибов и террористических организаций не увенчалась успехом, и что в последствии привело к увеличению наркотрафика через Афганистан, к полному уничтожению инфраструктуры

Афганистана, к увеличению Талибов, которые в итоге присегнули на верность ИГИЛ.

- Стоит упомянуть, что в следствии затяжной войны США понесли большие потери среди военного контингента, что привело к «Афганскому синдрому» . Война привела к тому, что правительство Афганистана не контролирует всю территорию страны, а только 70%, а всю остальную территорию контролируют террористические организации.

Можно спрогнозировать возможные *перспективы* развития политики США в Афганистане.

1. США заинтересованы в сотрудничестве с нынешними властями Афганистана, если власти будут настроены проамерикански.

2. США сохранит часть военного контингента в Афганистане для сохранения своего присутствия на Ближнем Востоке.

3. Афганистан остается ведущим вектором во внешней политике США

Вывод: 10-летняя операция не привела к завершению всех целей поставленных коалицией во главе США. Но все же США удалось уничтожить лидера Аль-Каиды, свергнуть режим талибов и поставить во главе страны проамерикански настроенных лидеров. Еще один итог войны в Афганистане является увеличение наркотрафика (Приложение 1).

Анализируя вывод войны в Афганистане можно с уверенностью сказать, что Афганистан остается основным вектором во внешней политике США. Геополитическое расположение Афганистана очень выгодно в плане экономического и политического влияния на всем Ближнем Востоке. Контроль Афганистана Соединенными штатами прямой интерес в присутствии влияния на всем Ближнем Востоке.

Следовательно, мы приходим к выводу присутствия США в Афганистане показывает, что Америка есть и будет ведущим, ключевым игроком на Ближнем Востоке. Базирование войск США на базах, которые граничат с соседними странами дает понять, что США имеет интерес не

только в Афганистане, но и в соседних странах: Пакистан, Иран, а так же бывшие советские республики Туркменистан и Таджикистан, и не граничащая Киргизия. Присутствие в этих странах военного контингента США показывают, что Соединенные штаты пытаются распространить свое влияние через Афганистан на постсоветские республики и на Среднюю Азию.

Подытоживая все выше сказанное с уверенностью можно сказать, что США никогда не покинет Афганистан.

Заключение

Подводя итоги и результаты работы, автор на основе комплексного исследования роли и места «афганского вопроса» в развитии международных отношений в конце XX – начале XXI вв. и прогнозирования вариантов дальнейшего развития событий считает необходимым остановиться на некоторых положениях, которые твердо свидетельствуют о достижении поставленных цели и заданий.

1. Охарактеризовав геополитическое положение Афганистана в конце XX – начале XXI веков, мы пришли к выводу, что Афганистан находится на перепутье между Востоком и Западом и является древним центром торговли и миграции. Его геополитическое расположение – между Южной и Центральной Азией с одной стороны и Ближним Востоком с другой – позволяет ему играть важную роль в экономических, политических и культурных отношениях между странами региона, тем самым привлекая внимание сильных держав мира. По данным специалистов по борьбе с наркобизнесом, около 60% полученного в Афганистане урожая опиума перерабатывается на предприятиях, расположенных вдоль границы с соседними странами. Оттуда героин и оставшийся опиум переправляется хорошо вооруженными и оснащенными современной техникой наркокурьерами на рынки сбыта. Резкая активизация контрабанды наркотиков создает очаги напряженности в сопредельных государствах практически по всему периметру афганской границы. На геополитическом положении Афганистана сказывается и постбиполярная система международных отношений. С завершением в конце 80-х годов советского вторжения в Афганистан исчерпала себя важнейшая линия взаимоотношений между США и Пакистаном – борьба с Советской армией на территории Афганистана. Статистические данные за 2014 г. указывают на то, что Афганистан не справляется с увеличением своей доли в бюджете из-

за политического кризиса, который негативно отражается на деловой активности и налоговых поступлениях.

2. В процессе исследования особенностей режима талибов в Афганистане в конце XX века автор пришла к выводу, что талибы, захватив власть, приступили к строительству в Афганистане мусульманского теократического государства, основанного на принципах «чистого ислама». Внутри движения большое значение придавалось духовному началу в его организации и управлении. На подконтрольных им территориях (а это было 95% территории страны) талибы ввели нормы шариатского правления, причем они обосновывали это ссылками на хадисы (изречения) пророка Мухаммеда, не вошедшие в Коран. Апофеозом установления «нового исламского порядка» был взрыв статуй Будды в провинции Бамиан. Отвергнув западный образ жизни, талибы впали в другую крайность – полное отрицание всего неисламского, желая распространить по всему миру свое видение мира. Талибам удалось предотвратить распад Афганистана, установить в стране главенство закона и предоставить населению отвечающую их традиционным воззрениям деобандскую религиозную доктрину. на короткое время «Талибан» под своей железной рукой объединил почти весь Афганистан, практически прекратились межпуштунские распри и столкновения. Но в тоже время Афганистан стал одним огромным «учебным лагерем» для исламских экстремистов и террористов со всего мира. Там они изучали опыт талибов по построению «нового исламского порядка» с тем, чтобы применить его на практике в странах своего постоянного проживания. Опыт «Талибана» вдохновил их на борьбу с наступлением «нового мирового порядка» по-американски, который несет непосредственную угрозу традиционному мусульманскому мироощущению, традиционным ценностям и укладу.

3. Изучив причины, участников, ход и результаты операции «Несокрушимая свобода», мы считаем необходимым акцентировать внимание на том, что войне в Афганистане предшествовали трагические

события – теракты 11 сентября 2001 г., после которых тогдашний президент США, республиканец Джордж Буш-младший, объявил войну международному терроризму в лице «Аль-Каиды» во главе с Усамой бен Ладеном и режиму талибов в Афганистане, территория которого к тому моменту стала основной базой международного терроризма, где под крылом радикального исламского движения «Талибан» нашли свое пристанище радикальные исламистские боевики. Операция «Несокрушимая свобода» началась 7 октября 2001 года. Система ПВО талибов была выведена из строя почти сразу; вся имевшаяся у них авиация была уничтожена на аэродромах. Также проводились и наземные операции с участием сил специального назначения стран коалиции. По результатам проведения операции движение «Талибан» было отстранено от власти и практически утратило боеспособность. Уже к декабрю 2001 г. режим талибов был свергнут, многие тысячи боевиков были выдвинуты к границе с Пакистаном и осели в зоне пуштунских племен афгано-пакистанского приграничья. В региональном контексте военные действия американцев в Афганистане создали очаг серьезной нестабильности на Среднем Востоке. Талибы создали в Пакистане мощную террористическую инфраструктуру, в том числе базы подготовки смертников. Теперь источник афганской нестабильности переместился в пакистанскую зону ответственности афгано-пакистанского приграничья.

4. По результатам проведения ситуационного анализа перспектив развития «афганского вопроса» в XXI веке необходимо подытожить, что Афганистан на протяжении столетий является одним из основных полей столкновения геополитических интересов ведущих держав мира и региональных игроков. Во второй половине XX века количество этих игроков в Афганистане и противоречивость их интересов достигли таких масштабов, что страна впала в череду непрекращающихся войн, в которых парадоксальным образом переплелись противоречивые интересы различных государств. Одной из главных внутренних проблем Афганистана, которая держит страну в состоянии войны, является напряженность в межэтнических

отношениях, усиленных неприятием иностранного присутствия в стране. Война, почти полностью разрушившая и без того неразвитую экономику Афганистана, стала основным препятствием для прокладки новых транспортных коридоров, которые дали бы государствам Центральной Азии выход к портам Персидского залива и Индийскому океану. Поэтому военное решение афганской проблемы полностью исключается. Необходимо обратить серьезное внимание на решение острейших социальных проблем Афганистана (обнищание населения и безработица). Сегодня различные слои населения Афганистана, прежде всего молодежь, вынуждены искать источники средств к существованию, а это создает благоприятную почву для их рекрутирования в ряды боевиков, вовлечения в незаконный оборот наркотиков и т.п. Решать проблему урегулирования необходимо с учетом конфессиональных и национальных особенностей афганского народа, о чем свидетельствует исторический опыт различных войн в этой стране с участием внешних сил.

Таким образом, ситуация в Афганистане свидетельствует, что на нынешнем этапе глобализации длительный вооруженный конфликт в отдельно взятом государстве не может не выплеснуться за его рубежи. Он бесконтрольно расплзается и рано или поздно порождает серьезные проблемы для соседних государств, дестабилизируя ситуацию в целом регионе. В подобных условиях попытки восстановить и укрепить центральную власть, как правило, носят эпизодический и незавершенный характер, а процессы государственного строительства остаются ограниченными и в географическом, и в концептуальном плане. В связи с этим дипломатическое разрешение «афганского вопроса» в свете борьбы с международным терроризмом видится первоочередным заданием для субъектов международных отношений XXI века.

Список использованных источников и литературы

1. Аналит. Записки научно - координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России, выпуск 9 (38), октябрь 2008, С. 38.
2. Шило Н. Обстановка в Афганистане: военно - полит. ситуация и трансформация полит. курса страны 2004, С. 104-106.
3. Арунова М.Р. ШОС и афганская проблема, М., 2012, 186 с.
4. Арунова М.Р. Операция «Несокрушимая свобода». Задачи, проблемы, перспективы// Современный Афганистан и сопредельные страны, М., 2011, 158 с.
5. Арунова М. Р. Набиев З. К. Афганистан, Проблемы терроризма, М., 2003, С. 105
6. Арунова М. Р. Афганистан сегодня, сб. Афганский кризис и проблемы формирования региональной системы безопасности. М., 2010, С. 94.
7. Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. – М.: ИИИиБВ, 2000, 128 с.
8. Афганистан: проблемы войны и мира. М. Редакционно - издательский отдел института востоковедения РАН, 1996, 189 с.
9. Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 - июнь 2002 гг.). – М.: ИВ РАН, ИИИиБВ, 2002, 282 с.
10. Афганистан в начале XXI века: сб.ст./ Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, ин-т востоковедения РАН, 2004, 207 с.
11. Афганистан и Пакистан: совр. состояние и перспективы развития (по материалам рабочего совещания, состоявшегося в Центре изучения стран Ближнего и Среднего Востока; ИВ РАН 2 апреля 2012) М., 2012, 228 с.
12. Барановский В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений (Часть I). – Полис. Политические исследования. 2012, С. 36-44.

13. Белокреницкий В.Я. Особенности внешнеполитического процесса в современном Пакистане // Ближний Восток и современность. Сб. статей. Вып. 41. М., 2010, С. 182-183
14. Белокреницкий В; Москаленко В; Шаумян Т. Афганистан и ШОС// ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока, М., 2011, 37 с.
15. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998, С. 51
16. Бойко В.С. Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919-1953 гг./ М. 2010, 391 с.
17. Босин Ю.В. Афганистан: полиэтничное общество и государственная власть в историческом контексте. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2002, 232 с.
18. Ганковский Ю.В. В бой вступают талибы. 1995, с. 31-33
19. Джульетто Кьеза. Бесконечная война М: Детектив - Пресс, 2003, 208 с.
20. Заемский В. Ф. ООН и миротворчество, М., 2008, С. 148-155
21. Исаев Б. А. Геополитика классическая и геополитика современная. – Полис. Политические исследования. 2011, С. 69-85
22. Козырев Н.И. Роль дипломатии в разблокировании «афганского узла» : от «Женевы - 88» до наших дней. М., 2009, С. 116 - 203
23. Коргун В. Г. Афганистан на пути к парламентским выборам// Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен, М., 2006, С. 30-43
24. Королев А.В.; В.В. Королева, А.В. Крикунов, М. 2008, 333 с.
25. Князев А.А. Северо-Восток Афганистана и сопредельные страны: перспективы экономического сотрудничества // Афганистан и региональная интеграция: Сб. науч. тр / Научно-информационный центр МКВК. – Ташкент, 2009, С. 35-51.
26. Князев А. Итоги демократии — Афганистан движется к распаду 2007, С. 29-36

27. Лавров А. Ю. Политический ислам в Афганистане, М., Бишкек, 2010, 284 с.
28. Малышева Д. Афганистан и Центральная Азия // Современный Афганистан и сопредельные страны, М., 2012, С. 40
29. Марсден П. Талибан. Война и религия в Афганистане./ П. Марседен. Перевод с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. - М.: ООО « Городец-издат», 2002, 173 с.
30. Мендкович Н. Узбекистан и проблемы безопасности Афганистана 2012, С. 203
31. Мендкович Н. Безопасность в Афганистане: итоги 2014, 2015, С. 150
32. Мировая политика и международные отношения / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2008, С. 136.
33. Мировая политика и международные отношения / Под ред. Ю.В. Косова. СПб.: Питер, 2012, С. 158
34. Мусульманские страны у границ СНГ: (Афганистан, Пакистан, Иран и Турция – современное состояние, история и перспективы): сборник научных трудов. – М. : ИВ РАН; Крафт, 2001, 336 с.
35. Никитин А. И. Конфликты, терроризм, миротворчество, М., 2009, С. 47
36. Осипов В.И. Базовые факторы, детерминирующие динамику образа России в Афганистане// Формирование образа России в Мире, в контексте афганского кризиса. РУДН, М., 2010, 290 с.
37. Проблемы государственного и социально - экономического развития Афганистана: докл. рос.-канад. научн.конф., М., 21-22 февр. 2008 г./ (отв. ред.: Рогов С.М.), 2008, 102 с.
38. Сергеев В. Взгляды западной коалиции на ситуацию с производством афганского опиума// Ближний Восток и Современность, вып. 36, М., 2008, С. 129

39. Сикоев Р.Р. Исламский Эмират Афганистан: тоталитарный режим рубежа XXI века // *Общественные науки и современность*. – 2003, с. 113-123.
Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. – М.: ИВ РАН, Крафт, 2004, С. 256
40. Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безоп. в Центр. Аз: материалы V Международной научн. конференции. М., 29 ноября 2012г./ сост. Шпаковская М.А.-М., РУДН, 2012, 167 с.
41. Современные глобальные проблемы мировой политики. Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2009, С. 16-21
42. Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 204 с.
43. Снесарев А.Е. Афганистан. – М.: Русская панорама, 2002, 272 с.
44. Штоль В.В. Роль и место НАТО в системе европейской и международной безопасности в условиях глобализации М., 2006, 125 с.
45. Dorronsoro Gilles. The Taliban's Winning Strategy in Afghanistan. – Carnegie Endowment for International Peace. – February 2010. 36 p.
46. Lynne O'Donnell, Associated Press U.S., NATO mark end of mission to Afghanistan 2001, P. 31
47. Loyd A. Corruption, Brides and Trafficking; A Cancer That Is Engulfing Afghanistan.-The Times (UK), 2007, P. 102
48. Mark Sedra: «Lessons from Afghanistan», Yale, 2002, P. 34.
49. Mark Sedra, «Afghanistan: Between War and Reconstruction: Where Do We Go From Here? » Bonn, 2002, P. 34.
50. Joseph Button. Increased Security Amidst a Mounting Insurgency: A close look at the Afghan security paradox 2004, 143 p.
51. Scott Baldauf, Owais Tohid. Taliban appears to be regrouped and well-funded 2005, 78 p.

52. Rashid A. The Taliban: Exporting Extremism // Foreign Affairs, November/December 1999. Rashid A., Rubin Barnett R. Ending Chaos in Afghanistan and Pakistan // Foreign Affairs, November/December 2008, P.67

53. Rubin Barnett R. Saving Afghanistan // Foreign Affairs, January/February 2007, P.189

54. Kaushin D. Soviet Union and the Afghan Question. Geneva. Accord and after. New Delhi, 1988, P. 99.

55. Bradsher H. Afghanistan and the Soviet Union. Durham, 1985, P. 318.

56. Galster S. Rivarly and Reconciliation in Afghanistan, P. 1524.

57. Brzesinski Z. Power and Principles. Wash., 1985, P. 247, 447

58. Galster S. Rivarly and Reconciliation in Afghanistan. Third World Quarterly. Oct., 1988. P. 1512-1519.

Приложения

Приложение 1

